

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2015 | март
интеллектуальный
диалог

Фото Андрей Баржагова

ВЕК УЧИТЬСЯ: НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ШКОЛЕ ЖИЗНИ ● стр. 2-24

ПЕРЕЗАКЛЮЧИТЬ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР

Александр Аузан: ● стр. 8

«Мы страна невидимых налогов. Три года назад экономисты МГУ посчитали, что россияне платят 48% реального дохода. Примерно как европейцы. Только незаметно для себя. Потому что это в основном косвенные налоги – НДС, акцизы и т.д. То есть платим мы столько же, но в голове этого у нас нет».

КОНКУРЕНЦИЯ НЕ В МОДЕ

Андрей Бутенко ● стр. 12

«Самое смешное, что и современный менеджер – командный игрок. Это одна из ключевых характеристик. Если человек не способен сотрудничать, на нём в профессиональном смысле ставится чёрная метка, в дальнейшем его задействуют вне общей сложной работы, с совсем другим карьерным потенциалом».

РОЛИК, ЗАЦЕПИВШИЙ ЧУВСТВА

Иван Чурилин: ● стр. 18

«Знаете ли вы, как проводить непрямой массаж сердца? 71% англичан знают, потому что у них была замечательная рекламная кампания «Staying Alive» с характерным актёром Винни Джонсом, доходчивая, весёлая, зрелищная».

«Красноярцы вовсе не из тщеславия ждут на берегах Енисея высоких гостей. Нам нужно донести основные идеи форума до руководства страны, достичь взаимопонимания с федеральными властями. Да и собственники крупных компаний проявляют больший интерес к красноярской дискуссионной площадке, когда на ней присутствуют первые лица. Кроме того, это ежегодное мероприятие всё больше походит на московский форум в Красноярске и утрачивает сибирскую тематику. А на мой взгляд, качественно новое развитие Зауралья помогло бы нашей стране справиться с новыми вызовами времени».

А.В. Усс
и другие эксперты об итогах
Красноярского экономического форума

● стр. 5, 9, 10

История красноярца, выпускника СФУ Романа Марцинкевича стала весьма популярной в сети: о ней писал «Коммерсантъ», рассказывал сайт adme.ru, bk55.ru и другие источники. Человек получил юридическое образование, работал в солидной компании British American Tobacco топ-менеджером, жил в Москве. А в 2011 году всё бросил и поступил в школу поваров Cordon Bleu в Париже, после успешного окончания которой счастливо живёт и работает шеф-поваром в Монако.

Конечно, на этот сюжет можно посмотреть и критически: высшее образование стоит недёшево, и, выходя, государство зря вкладывало в этого специалиста средства. С другой стороны, пример нашего земляка прекрасно иллюстрирует одну из привлекательных идей современности: учиться можно всю жизнь, и никогда не поздно «найти себя», начать всё заново.

Именно об этом мы сегодня хотим поговорить: в современном мире мы не просто можем, а поставлены перед необходимостью постоянно учиться. И в этом процессе жизненно важны абсолютно все аспекты — и психологическая готовность к новым знаниям и навыкам, и умение находить эти возможности, и понимание того, на какие профессии сегодня спрос.

Кроме того, мы воспользовались случаем «поучиться» у события, которое недавно прошло в нашем городе — Красноярского экономического форума. Как правило, итоги КЭФ не анализируются и не обсуждаются, что странно по меньшей мере. Мы решили исправить эту ошибку — и не только расскажем вам о некоторых интересных идеях КЭФ, но предложим его экспертные оценки, которые получили при содействии Фонда стратегических исследований «Сибирский клуб».

Помогать и зарабатывать. Зарабатывать и помогать

Дмитрий КОХ — генеральный директор компании «Интеллектуальные социальные системы», руководитель проекта «Сердитый гражданин». Для сотрудников и студентов СФУ Дмитрий прочёл лекцию «Коммерциализация социальных инициатив в России и в мире», рассказав, что такое социальное предпринимательство, как работают его собственные социальные проекты и почему бизнесмены всё чаще стремятся не только зарабатывать, но и с помощью своего бизнеса делать мир вокруг себя немного лучше. Мы также расспросили Дмитрия о том, в чём особенности социального предпринимательства в России и почему в нашей стране низкая гражданская активность.

«Social entrepreneurship» за рубежом или «социальное предпринимательство» у нас, в России — это предпринимательская деятельность, цель которой не только получить прибыль, но и смягчить социальные проблемы в обществе. На своей лекции Дмитрий КОХ назвал признаки такого предпринимательства. Во-первых, оно всегда стремится к социальному воздействию — устойчивым позитивным и измеримым социальным результатам. Во-вторых, использует инновации — новые подходы и механизмы, чтобы увеличить это самое воздействие. Ещё один из признаков — самокупаемость и финансовая устойчивость, а также масштабируемость и тиражируемость: хорошо, когда социальное предприятие выходит на национальный, а лучше международный уровень и распространяет свой опыт.

Фонд региональных социальных программ «Наше будущее» выделяет ещё один признак — «способность социального предпринимателя видеть провалы рынка, находить возможности, аккумулировать ресурсы, разрабатывать новые решения, оказывающие долгосрочное позитивное влияние на общество в целом».

— Как начался проект «Сердитый гражданин»? — делится своим опытом Дмитрий Кох. — В 2012 году у меня

во дворе начали строить большую штуку, окружённую колючей проволокой, там были какие-то жёлтые газовые трубы, устрашающие знаки вроде «ходить опасно» и «может взорваться»... Строительство началось прямо на детской площадке. Вместе с жильцами моего дома мы стали искать, куда нужно пожаловаться, чтобы эту проблему решить. Начали искать юристов, оформлять жалобы, писать в разные места. И быстро поняли, что это достаточно сложный процесс: нужно пройти миллион инстанций, составить миллион писем, и мы не понимаем, как это сделать. И тогда мы с партнёром сделали маленький сайт, где стали собирать формы для подобных жалоб, чтобы другие люди могли ими пользоваться. Сайт начал расти, развиваться, туда стали приходить люди, мы стали добавлять туда всё больше форм.

На тот момент мы вложили в сайт примерно 100 тысяч долларов, которые в какой-то момент у нас закончились. Своих средств больше не было, а квартиру продавать не хотелось. Но проект хотелось развивать дальше. И мы пришли к основателю венчурного фонда Runa Capital Сергею БЕЛОУСОВУ, он спросил нас: я дам вам деньги, но как вы их вернёте? Как вы будете зарабатывать? Что будет через год? Мы сказали, что подумаем и вернёмся через месяц. И придумали бизнес-модель.

Мы получили инвестиции, около миллиона долларов, они закончились за год, и сейчас год мы уже зарабатываем, окупаем свою деятельность. Я считаю, что любой долгосрочный социальный проект должен за счёт чего-то окупаться и приносить деньги. Эти деньги могут приносить люди, которые в него вовлечены, или организации, но окупаемость должна быть обязательно. Для этого существуют венчурные фонды, гранты, работа со спонсорами.

Сегодня Дмитрий Кох, экономист по образованию, является генеральным директором крупной компании «Интеллектуальные социальные системы», куда входят проекты «Сердитый гражданин», «Довольный гражданин» и «Лига качества». Эти проекты, которые находятся на стыке IT и социальной сферы, помогают выстроить удобную схему взаимо-

действия горожан и компаний с органами власти или попросту «помогают одним услышать других».

Например, независимый онлайн-ресурс «Сердитый гражданин» позволяет решать людям самые разные насущные социальные вопросы: незаконные свалки, грязь во дворах, брошенные во дворах автомобили, отсутствие горячей воды, задержка почты, ямы на дорогах и даже хамство в больницах или в очередях на почте. «Если, например, у вас во дворе не горят фонари, вы можете зайти на наш сайт, заполнить короткую форму для жалобы, и заявка автоматически уйдёт в организацию, которая отвечает за исправление ситуации. Это может быть администрация города или управляющая компания», — поясняет Кох.

За 2014 год «Сердитый гражданин» помог решить 160 тысяч самых разных проблем людям из разных регионов России.

Если «Сердитый гражданин» — это «некоммерческая история», то «Довольный гражданин» и «Лига качества» — системы, которые приносят социальной компании прибыль. «Довольный гражданин» — это публичная система обратной связи для коммуникации граждан и органов власти, клиентов и бизнеса, сейчас она работает с рядом федеральных, муниципальных и региональных органов власти. Например, чиновник может следить, где и по каким вопросам возникают очаги социального недовольства в городе, решать наиболее проблемные и получать +10 к имиджу от будущих избирателей. А «Лига качества» позволяет бизнесу собирать отзывы и жалобы от клиентов: например, владелец торгового ларька может узнать, кто из его продавцов вежлив и честен, а кто обсчитывает клиентов и хамит им.

— Дмитрий, а чем отличается социальный предприниматель от обычного предпринимателя? Это здорово — помогать людям и зарабатывать на этом деньги.

Человек сильнее, чем государство

В 2006 году Мухаммад ЮНУС, банкир и профессор экономики из Бангладеш, получил Нобелевскую премию мира «за усилия по созданию основ для социального и экономического развития». Это была первая большая премия за проект в области социального предпринимательства. За её официальной формулировкой скрывалась реальная помощь миллионам жителей Азии: Юнус создал банк Grameen, который позволил осуществлять микрокредитование безземельных бедняков, что спасло множество семей от нищеты. «Каждый отдельный человек, вовлечённый в социальный бизнес, оказывается потенциально сильнее, чем государство, потому что способен менять мир, влиять на судьбы окружающих его людей», — сказал бангладешский банкир в интервью «Новой газете». Сегодня те, кто начинает заниматься социальным предпринимательством в любой точке мира, понимают, что это не пустые слова.

Но тем не менее такая деятельность не слишком популярна среди бизнесменов.

— Социальным предпринимательством занимаются совершенно особенные люди. Что делает обычный бизнесмен? Он видит, что есть свободная ниша, например, в его городе на такой-то улице нет парикмахерской. Он понимает, что если он откроет парикмахерскую, то сможет заработать. Он открывает — и зарабатывает.

Социальный предприниматель думает немножко по-другому. У него есть идея, желание делать добро и мир вокруг себя немножко лучше. Это может быть глобальная история или маленькая история из серии «я хочу открыть приют для собак», но в целом социальным предпринимателем в первую очередь движет идея, и только потом он хочет на этом зарабатывать.

Например, у меня в компании работает молодой человек, он раньше занимался тем, что продавал гробы в своём городе. Зарабатывал около 200 тысяч рублей в месяц, у него была небольшая фирма... Но потом он решил, что хочет делать что-то хорошее. И теперь работает у меня, зарабатывает гораздо меньше, но понимает, что каждый день за счёт его труда делается маленький вклад в улучшение мира. И это им движет. У меня в компании 27 человек, и они работают не только потому, что хотят получать зарплату, а ещё и потому, что хотят работать именно у нас.

«Всем должно быть нужно всё»

Сегодня в России социальное предпринимательство развито не так активно, как в Европе или США, однако с каждым годом оно набирает обороты и становится обсуждаемой темой. Некоторые бизнес-издания отмечают, что социальное предпринимательство в России возникло на рубеже 19–20 веков, и приводят в пример основанный отцом Иоанном Кронштадтским Дом Трудолюбия, который по сути выполнял функцию биржи труда, где каждый нуждающийся мог найти себе работу. В то время подобные инициативы называли «доброделием». Социальное же предпринимательство в современном его понимании возникло в России гораздо позже, на рубеже 20–21 веков.

Сегодня у нас в стране есть несколько крупных социальных бизнес-проектов. Например, «НормаСахар» — это автоматизированная онлайн-система, которая позволяет людям, страдающим сахарным диабетом, следить за своим здоровьем. Проект придумал врач-диетолог Александр ПОДГРЕБЕЛЬНЫЙ. «НормаСахар» позволяет консультироваться с врачом, следить за уровнем глюкозы в крови, получать рекомендации по питанию и необходимым дозам инсулина.

«Кнопка жизни» — ещё один социальный проект, связанный с мобильной медициной: специальная медицинская сигнализация позволяет следить за пожилым родственником или инвалидом в семье, которому может понадобиться срочная медицинская помощь, когда он остаётся дома один/едет на дачу/ежедневно выходит на прогулку.

Сервис YouDo помогает находить людей для выполнения бытовых или бизнес-задач. Например, вы сообщите на сайте, что вам нужно помочь собрать дома шкаф/доставить подарок любимому человеку/починить розетку; и за услугу вы готовы заплатить, например, 500 рублей. На вашу просьбу откликаются люди, готовые помочь (сервис предлагает помощь только проверенных людей).

Социальный проект Правовед.RU связывает практикующих юристов с людьми, которым нужна оперативная правовая консультация.

Информационная система «Лесной дозор» позволяет провести мониторинг леса и понять, где может произойти лесной пожар.

Московский проект LavkaLavka работает как фермерский кооператив.

DonorSearch помогает найти донора крови.

Некоторые российские проекты функционируют за счёт средств различных фондов, некоторые — за счёт оплаты услуг пользователями, но, несмотря на разные финансовые модели, каждый из них уже помогает многим людям.

— Дмитрий, в чём особенности социального предпринимательства в России?

— Во-первых, отсутствие возможностей для привлечения ресурсов, потому что, по большому счёту, у нас в стране действуют 1–2 фонда, вроде фонда «Наше будущее», которые помогают. Всё остальное — либо частные деньги, которые сложно найти, либо случайные деньги. То есть институтов поддержки социального предпринимательства, по большому счёту, нет.

Во-вторых, в России сегодня низкая гражданская активность. Для того чтобы появлялось много проектов в сфере социального предпринимательства, нужна очень плотная социальная коммуникация. В США более 75% населения состоит в разного рода некоммерческих организациях — от социальных обществ до клубов любителей собак. Поэтому они все находятся в локальных сообществах. У нас такого нет, к сожалению. Люди разрознены. Хотя в последнее время ситуация меняется.

И третья особенность более общая: у нас люди не понимают, зачем им это надо? Вот есть пирамида потребностей по Маслоу. Тебе сначала нужно найти что поесть, потом где поспать, потом нужно заняться саморазвитием, которое находится на верхушке пирамиды. Мы во многом остаёмся на уровне «найти что поесть». Кризис тоже на это влияет. А социальное предпринимательство — это из серии «мне нужно реализовать себя в чём-то».

— А почему у нас низкая гражданская активность? У меня во дворе, например, возле мусорных баков бегают крысы. Но мне

некогда ходить писать заявление... И я понимаю, что управляющая компания работает плохо, что похорошему они должны следить за всем этим. Но они не следят. И соседям тоже не до крыс. Так проблема и остаётся.

— Чтобы кто-то что-то делал, ему нужно на это указывать. Вот есть у вас котёнок, он сделал что-нибудь не то, напакостил — его нужно ткнуть носом. Для того чтобы власть что-то замечала, ей надо показывать активность снизу. Для того чтобы ваша управляющая компания обратила внимание на этих крыс, вам надо написать жалобу. Должно быть определённое давление, иначе без этого ничего не работает.

В Европе люди привыкли, чтобы у них всё было хорошо, поэтому даже если появится проблема с крысами — горожане сразу обратят на это внимание. Мы в России когда-нибудь всё было хорошо, и будем реагировать на проблемы. Пока у нас не так.

Но те же самые чиновники, те же самые сотрудники управляющих компаний — они люди. И мы люди. Я считаю, что всем должно быть нужно всё. Вам должно быть нужно, чтобы крысы не бегали возле мусорных баков, людям из управляющих компаний должно быть нужно выполнять свою работу. У нас нет пока запроса на лучшее качество жизни, нет запроса на то, чтобы постоянно вокруг тебя происходили позитивные изменения, а сами по себе они не произойдут. Изменения происходят только потому, что человек хочет этих изменений и постоянно к ним двигается.

Думаю, играет роль и отголосок нашего советского и постсоветского прошлого. Мы считаем, что всё вокруг народное и всё вокруг ничьё. Есть наша квартира, и мы хотим, чтобы в этой квартире стоял красивый шкаф, красивое кресло, красивый телевизор жидкокристаллический. А вот то, что в подъезде...

Вышел за дверь и начинается общажный подъезд, со стен слезит краска, трубы текут, крысы бегают.

Это уже как бы не наша территория. Вышел во двор — там 250 машин припарковано, с коляской негде проехать, качели кривые. И это тоже не твоё. И тебе тоже всё равно, главное, чтобы дома шкаф был красивый. У нас зона комфорта ограничивается квартирой. А у европейского человека, например, зона комфорта ограничивается городом, страной.

— Какие в социальном предпринимательстве есть тренды?

— Во-первых, урбанизм. А в крупных городах взаимодействие с людьми особенное. Если в деревнях и маленьких населённых пунктах есть локальные сообщества, то в большом городе ситуация другая. Я, например, живу в 16-этажном доме и понятия не имею, чем большинство из моих соседей занимается. Кто они? В таких условиях очень важны проекты, объединяющие людей именно на уровне микровзаимодействия, на уровне локальных сообществ. Есть российский проект sosed.zhivem.ru, который как раз решал эту задачу.

Другой тренд — это uncertainty avoidance (так называемое избегание неопределённости — прим. ред). Социолог Герт ХОФСТЕДЕ доказал, что у каждой нации свой уровень восприятия жизненной неопределённости. Например, мы, русские, можем совершенно спокойно находиться в ситуации, когда мы не знаем, что будет завтра или что делать с образовавшейся во дворе ямой. Мы можем достаточно легко к этому относиться. А немцы, например, не могут, им важна структурная определённость и понимание того, что будет завтра. Но этот тренд меняется, даже в России.

Как показывают исследования, люди в России всё больше и больше хотят определённости. Отчасти это связано с урбанизацией, отчасти — с повышением гражданского самосознания, отчасти — с повышением уровня образования и так далее. И чем дальше будут расти социальные запросы в таких странах, как Россия или в азиатских странах, тем сильнее будет меняться ситуация. Недавно я был с презентацией своего проекта в Индонезии. Оказалось, что там обычные люди зачастую слабо представляют, как можно решить ту или иную социальную проблему. Проект вызвал большой интерес, потому что в Азии сегодня тоже хотят определённости.

Третий большой тренд — это электронная демократия, или E-democracy. Многие государства, правительства разных стран стремятся сделать взаимодействие между людьми электронным, будь то выборы, опросы или иные проекты, связанные с обратной связью. В это вкладываются огромные ресурсы. В Сингапуре всё происходит через электронное взаимодействие. Ты можешь открыть компанию за три минуты, пожаловаться на что угодно за три минуты, получить визу через Интернет...

— Какими качествами должен обладать человек, который занимается социальным предпринимательством?

— Думаю, совершенно определёнными. Он должен быть лидером, вести за собой, быть визионером, смотреть в будущее, обладать определённой степенью упёртости и наглости. Должен не сдаваться и биться, потому что биться — это то, что придётся делать всю дорогу. А если проект социальный, придётся пойти на некие лишения. Продавать ботинки — это более выгодный бизнес, чем приют для собак. Прибыли от социального бизнеса будет меньше, чем от продажи ботинок. Поэтому нужно верить в лучшее, биться и вести за собой других людей.

Интеллектуальный «бадминтон»

Генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения Валерий ФЁДОРОВ и управляющий партнёр агентства «Социальные сети» Денис ТЕРЕХОВ встретились со студентами-гуманитариями СФУ в последний день Красноярского экономического форума. Будущие социологи, юристы, журналисты, лингвисты, филологи пришли послушать лекцию на тему «Управление общественным мнением: миф или реальность?», а получили урок ораторского искусства.

На какие только провокации и ухищрения не шли лекторы! Сама тема располагала, ведь общественное мнение — это вечно ускользающая, быстротекущая, меняющаяся, трудноуловимая реальность. И для каждого исторического этапа есть свои способы, методы, как это мнение захватить, изучить и в дальнейшем, возможно, использовать в своих целях.

Как подметила директор Института филологии и языковой коммуникации СФУ, доктор филологических наук Людмила КУЛИКОВА, в ход шли такие приёмы, как доведение до абсурда, апелляция к авторитету, оппонирование, антагонизм и т.д.

Не сговариваясь, то Фёдоров, то Терехов виртуозно забрасывали в аудиторию «волан» с подвохом, а студенты должны были отбивать, при этом ответы вопросом на вопрос не принимались.

Во время лекции прозвучали некоторые любопытные факты. Например, согласно опросам ВЦИОМ, Россия — лидер по длительности нахождения в соцсетях. Мы на втором месте после... Малайзии. А наше старшее поколение — лидеры в мире по продолжительности сидения перед телевизором. Подумать только: до четырёх часов в день — перед ящиком, вместо того, чтобы гулять где-нибудь в парке... Выходит, у нас совсем нет комфортного общественного пространства?..

Урок пиара

— Денис Эдуардович интересен тем, что представляет новое поколение профессионалов, которые не только изучают общественное мнение, но и работают с ним, пытаются на него воздействовать, — представляет своего коллегу (или конкурента?) директор ВЦИОМ. — Сети интересны нам не только как новая реальность, а как некая новая возможность ощутить, осмыслить и попытаться воздействовать на общественное мнение, которое там тоже проявляется, формируется и меняется.

Получив многообещающий посыл, аудитория ждёт продолжения, а Валерий Валерьевич начинает экскурс в историю... ВЦИОМ (хороший пиар-ход!).

— Это первая в России и вообще в бывшем СССР организация, которая была создана в 1987 году специально, чтобы профессионально и регулярно изучать, что люди думают обо всём на свете.

ВЦИОМ был создан лет через 60 после того как подобные организации появились в США и во всём мире. Правда, исследования в СССР проводились и в 50-х годах, но нерегулярно.

Их результаты мало кому были известны. Организации, которые этим занимались, долго не жили. Их расформировывали и переименовывали. Ситуация изменилась только на излёте существования СССР, когда КПСС решила всё-таки поиграть в демократию. Кстати, кто руководил страной в 1987 году?

Не сразу, но раздаётся правильный ответ: «Михаил ГОРБАЧЁВ!». Именно Михаил Сергеевич дал добро на создание ВЦИОМ, и расчёт лидера был прост: народ не может не поддерживать его курс на перестройку, и поэтому пусть специалисты изучают общественное мнение — бояться нечего... Изучат, подтвердят правоту генсека, укрепится его авторитет. Но ожидания не оправдались...

О пользе склероза

Вы можете себе представить жизнь без Интернета, сотовой связи, не говоря уже о соцсетях? А в конце 80-х годов всего перечисленного не было и в помине. Телефоны с факсом, которые только-только стали появляться, подлежали обязательной регистрации в органах госбезопасности, как и пишущие машинки.

Трудно поверить, но после того как была создана всесоюзная исследовательская сеть, анкеты из Красноярска в Москву передавали... с проводниками поездов.

— В начале 90-х регулярные опросы ВЦИОМ стали показывать, что курс Горбачёва почему-то не пользуется поддержкой населения, — рассказывает Фёдоров. — И тут Михаил Сергеевич сделал гениальную вещь (любой другой руководитель советского периода на его месте закрыл бы организацию, разогнал коллектив или сменил начальника). А он взял да и забыл... И ВЦИОМ стал существовать сам по себе, что и было началом независимой исследовательской индустрии в стране. С тех пор центр занимается изучением общественного мнения в России — нравится это существующей власти или не нравится.

Из любопытства захожу на сайт ВЦИОМ. Темы последних опросов: «Антироссийские санкции: замысел и результаты», «Социальное самочувствие россиян: привыкаем к кризису?», «Левиафан»: смотреть обязательно?». Действительно, вряд ли власти понравится, к примеру, вывод, что у россиян «индекс удовлетворённости жизнью продолжает снижаться третий месяц подряд». Да и материальное положение в минувшем феврале стало устраивать заметно меньше — «соответствующий показатель

с января потерял 7 пунктов, остановившись на отметке 64 п., что ниже прошлогодних результатов (73 п. в феврале 2014 г., 66 п. в феврале 2013 г.)».

Монополия или конкуренция?

Когда СССР почил в бозе, ВЦИОМ сменил статус всесоюзного на всероссийский и потерял свою исключительность. А всё из-за того, что появились частные компании. В первую очередь, это ФОМ (Фонд «Общественное мнение») и «Левада-Центр». Вместе с ВЦИОМ они и образуют тройку служб, которые проводят социологические исследования, связанные, прежде всего, с политикой.

Чуть позже в Россию пришли ещё и филиалы глобальных исследовательских компаний, и сегодня ВЦИОМ — старейшая исследовательская служба, одна из ряда подобных.

— Есть проблема доверия к результатам социологических исследований. А если бы ВЦИОМ был единственной организацией, проводящей исследования в России, — доверия было бы больше или меньше? — забрасывает очередной «волан» Вале-

Изучать — не значит управлять

Никто не сомневается, что изучать общественное мнение необходимо и очень важно. И не только потому, что от этого зависит, кто будет управлять страной, но и с точки зрения благосостояния, карьеры, амбиций, перспектив очень большого числа людей. Так было всегда.

— Люди моей профессии добровольно наложили на себя табу, наше кредо — изучение общественного мнения, но не управление им, — признаётся Фёдоров. — Если это табу нарушить, то можно довольно быстро стать эффективным, успешным и богатым человеком, что другие и делают. Многие политтехнологи в России умеют проводить опросы и делают это. Мы считаем, что для нас важнее изучать общественное мнение, давать всем нашим заказчикам объективную, оперативную, всестороннюю информацию о том, что люди думают. А что потом заказчики делают с этой информацией, как они её используют — во благо или во вред, реализуют ли свои планы — это уже не наше дело.

Вводя добровольное этическое ограничение, мы с коллегами посчитали, что так будет правильнее для нашей индустрии — меньше претензий и обвинений. А репутация нужна, чтобы нам доверяли и с нами работали.

Новая реальность

— Однако есть люди, у которых нет табу на управление общественным мнением, — глава ВЦИОМ поворачивается к своему оппоненту Денису Терехову. — В отличие от нас, создателей современных социологических центров в России и большинстве стран мира, они пришли не из науки. Если для учёного главное — знание, то у людей без табу — интерес другой...

— Я глубоко убеждён, что единственное место, где можно почестному изучать общественное мнение — это Интернет, — вступает в «игру» Терехов. — Валерий Валерьевич может сколько угодно говорить пафосные речи про учёных, про их тягу к знаниям... Но когда вас спрашивают, к примеру, как бы вы проголосовали, если бы выборы были в будущее воскресенье, то совершенно не факт, что вы ответите так, как проголосуете, потому что, например, можете передумать, или исследователь не внушит вам доверия. Зато общественное мнение в Интернете — это как подслушанный разговор на кухне, где люди искренни. Интернет — это глобальная кухня!

С Денисом Эдуардовичем можно поспорить. Да, люди о многом разговаривают на своей личной кухне. Но сети — это не глобальная кухня. Интернет — абсолютно открытое пространство, а кухня — закрытое. Интернет — среда, в которой аноним может излагать свои мысли миллионам. А кухня — личное пространство, куда впускают только хорошо знакомых людей, и каждый из собеседников надеется, что за пределы кухни разговор не выйдет...

Впрочем, ни для кого уже не секрет, что и в соцсетях, и в блогосфере можно раздуть или загасить какую-то тему... К тому же в апреле прошлого года Госдума приняла закон о выполнении популярными блогерами требований, предъявляемых к СМИ. Теперь все блогеры, у которых странички посещают больше 3 тысяч пользователей в день, должны выполнять требования, предъявляемые к СМИ.

Они обязаны публиковать на своих страницах личные данные, воздерживаться от мата, должны проверять публикуемую информацию на достоверность, не допускать публикаций о частной жизни других людей или порочащих материалов и т.д. В противном случае — штрафы и блокирование на месяц.

Цифры и факты

— Ежедневная аудитория Рунета — примерно 70 млн человек, — продолжает Терехов. — Это 55% населения страны в возрасте старше 16 лет. Кстати, второй город по проникновению Интернета после Москвы — это Красноярск — 74%, далее идёт Петербург — 73%. Мы с Валерием Валерьевичем на протяжении последних нескольких лет проводили забавные исследования: сравнивали ответы на вопросы в Интернете с итогами опросов ВЦИОМ. Оказывается, разницы нет. Разве что в возрастной категории старше 55 лет есть некое принципиальное отличие, а во всём остальном — начиная от молодёжи и заканчивая людьми зрелыми — всё сходится (они все уже «живут» в Интернете).

Есть поразительная цифра: в возрастных категориях 18-25, 25-35 лет доля людей, ежедневно пользующихся Интернетом, в Москве и других городах-миллионниках — 96%. Когда мы говорим про коммуникации, то я глубоко убеждён, что в крупных городах, кроме Интернета, можно вообще ничего не использовать для коммуникации.

С таким утверждением тоже можно не согласиться, хотя телевизионный продукт многие уже потребляют не через телевизор, а через компьютер.

— Если куда и развивать исследовательскую науку, то в сторону, видимо, уже автоматического способа изучения общественного мнения в Интернете. Самое простое — это анализ массива дискуссии в социальных сетях, — считает Денис Терехов. — Здесь, правда, мы столкнулись с проблемой. Машина не всегда может правильно определить тональность речи, она не понимает сарказма. Поэтому ВЦИОМ будет ещё долго отбирать у таких людей, как я, возможность серьёзно изучать общественное мнение...

В нужном месте в нужный час...

Чтобы управлять общественным мнением, нужны каналы массовой коммуникации — телевизор, газеты, билборды... Начиная с 2008 года в России началась эпоха социальных сетей, и СМИ утратили монополию на право распространения информации.

Очень красноречивый пример: некий никому ранее не известный Максим ГОЛОПОЛОСОВ (кажется, курьер) выложил в YouTube ролик, и на следующий день проснулся знаменитым.

— А что происходит? Человек с плохой дикцией на фоне леопардового ковра показывает ролики и матерится. И 10 млн просмотров! — комментирует Фёдоров. — Когда

аудиторией каждого своего ролика на YouTube он превышает аудиторию Первого канала, то понятно, что этого канала в массовом сознании уже не существует.

Не поленилась. Захожу в Интернет, открываю первый попавшийся ролик неожиданно прославившегося курьера. Вульгарно, бессмысленно, маты. Сам герой о причине своего успеха пишет: «Мне кажется, мой случай ещё раз доказывает известную истину: оказаться в нужный момент в нужном месте...».

Количество просмотров ролика — 10 тысяч в сутки! Но это ещё не показатель манипуляции. Кто-то из студентов вспомнил, как активно в декабре красноярцы бросились скупать технику. И про декабрьский ажиотаж с гречкой вспомнили. Уж не манипулировал ли тут кто-нибудь? Кто он, Доктор Зло?

Случай с крупой не имеет никакого отношения к манипуляциям. Наверное, это у нас в крови: как только ухудшается политическая обстановка — срабатывает инстинкт самосохранения. Торговым сетям просто повезло, что граждане совершили набег, сделав им быстро годовой план, — оказались «в нужное время в нужном месте».

— Такого рода поведенческие реакции — предмет изучения теории социального заражения, — поясняет Фёдоров. — Сто лет назад Гюстав ЛЕБОН, автор многих книг по психологии толпы, народов и масс, известный французский исследователь, писал, что периодически имеют место социальные заражения, когда человек, занятый профессиональными, повседневными, семейными делами, вдруг начинает себя вести необычно. Он становится членом толпы, а толпа — это страшная вещь. Люди себя ведут совершенно не так, как обычно: они могут быть очень жестокими или, наоборот, альтруистичными. Могут разгромить Бастилию или убить невинного человека.

Секрет манипуляции

— Я думаю, что управление общественным мнением — это не миф и не реальность, это обман... Его просто не существует! — неожиданно заявляет Терехов.

— Мы услышали точку зрения человека, который в силу своей профессии должен говорить противоположное, — подхватывает Фёдоров. — Когда Денис заявляет, что «это невозможно — у меня 40 млн блогеров», то возникает резонный вопрос: зачем тогда целая индустрия? И всё же: кто считает, что манипуляция общественным мнением возможна?

В аудитории сидят будущие журналисты, социологи, и вопрос не уходит в пустоту. Один, другой, третий считают: управление возможно! Тогда лектор задаёт ещё один провокационный вопрос: «Можно ли врать эффективно, чтобы вам поверили большие массы людей?».

— Если завести блог и начать там врать — кто читать-то будет? — напоминает Терехов.

Наконец, после дискуссии пришли к единому знаменателю: заставить людей, приказать им думать так, а не иначе — невозможно. Надо убедить. Значит, манипулирует общественным мнением тот, кто более убедителен.

— Все пытаются манипулировать: мужчины — женщинами, преподаватели — студентами, губернаторы — избирателями. Но результаты (крупные изменения) зачастую не зависят от всех наших жалких попыток чем-то манипулировать... Помните фразу: хочешь насмешить Бога — расскажи ему о своих планах... Вот для этого

и нужны мы, социологи, чтобы раскрывать истинные механизмы социальных процессов, — эффектно завершает дискурс Фёдоров.

Как живёшь, страна?

Полезно периодически заходить на сайт ВЦИОМ, узнавать, чем дышит страна. Валерий Валерьевич поделился, что в последнее время центр в основном выполняет государственные заказы. Политический момент отступил, потому что до следующих выборов ещё два года... Сейчас в тренде запросы, касающиеся оценки эффективности государственного управления либо оценки эффективности какой-нибудь государственной программы, будь то пенсионная или программа помощи инвалидам, или донорства крови...

— Если взять, к примеру, донорство, то на эту программу тратятся огромные деньги, и заказчик хочет понять — есть какой-то эффект или нет? И мы даём различные инструменты для того, чтобы измерить эффективность. Например, узнали ли люди больше о донорстве, стало ли больше людей приходить в центр крови и т.д.

— Слоган вашей организации — «Знать, чтобы побеждать!». ЧТО ЗНАТЬ и КОГО ПОБЕЖДАТЬ? — задают вопрос из зала.

— Побеждают наши клиенты,

Мнение эксперта о КЭФ

Красноярский экономический форум — интеллектуальное событие, значимое не только для Сибири, но и для всей страны, тем более что в 2015 году форум проектировался как масштабный мозговой штурм — поиск новых стратегических решений. Мы попросили экспертов — участников форума выразить своё отношение к замыслу, процессу реализации и результатам КЭФ-2015.

А.В. УСС, д.ю.н., председатель Законодательного Собрания Красноярского края

— Если говорить о дискуссиях, то было высказано немало интересных мыслей, к примеру, за круглым столом, посвящённым перспективам освоения Арктики. А с точки зрения организации считаю, что формат работы можно сделать более продуктивным. При подготовке экономического форума необходимо разрабатывать конкретные документы и предложения, которые затем следует делать предметом реального обсуждения.

Я бы выделил три основные темы, значимые для края и для меня лично. Во-первых, это продолжение политики движения на Восток в рамках развития вектора взаимодействия и сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Во-вторых, сегодня по вполне понятным причинам в нашей стране приобрела особую актуальность тема импортозамещения. Рекомендации участников форума должны придать этой работе ускорение и лечь на стол федеральных органов власти, принимающих соответствующие решения. И в-третьих, для всех нас очень значима тема развития края в свете предстоящей Универсиады. Нужно чётко определить, что Красноярск движется к глобальному городу как одному из важнейших деловых центров Евразии.

С сожалением вынужден констатировать, что представительность форума стала менее впечатляющей. Раньше здесь мы могли видеть Президента России, Председателя правительства или первых его заместителей...

Красноярцы вовсе не из тщеславия ждут на берегах Енисея высоких гостей. Нам нужно донести основные идеи форума до руководства страны, достичь взаимопонимания с федеральными властями. Да и собственники крупных компаний проявляют больший интерес к красноярской дискуссионной площадке, когда на ней присутствуют первые лица.

Кроме того, это ежегодное мероприятие всё больше походит на московский форум в Красноярске и утрачивает сибирскую тематику. А на мой взгляд, качественно новое развитие Зауралья помогло бы нашей стране справиться с новыми вызовами времени.

На мой взгляд, сегодня нет оснований говорить о кризисе в полном смысле этого слова, о каком-то коллапсе, массовой остановке предприятий. В то же время падение курса рубля не могло не сказаться на работе бизнеса и на уровне жизни людей. Важным элементом ухудшения общей социально-экономической ситуации стал резкий рост стоимости кредитных ресурсов. Полагаю, необходимо искать механизмы администрирования, выдавать деньги под конкретные производственные и инвестиционные цели с использованием «вменяемых» ставок. Надеюсь, что на федеральном уровне будет провозглашена политика дифференцированного подхода к выдаче кредитов. Иначе экономика может просто остановиться.

а мы знаем и всем рассказываем. Каждый добивается своих побед: политики выигрывают выборы, бизнесмены зарабатывают деньги, общественные деятели привлекают поддержку, внимание и финансирование со стороны общества.

— В одном из интервью вы сказали, что жалеете об упущенных возможностях. Как бы вы сегодня ответили на вопрос — что это за возможности?

— Главная возможность — стать крупнейшим исследовательским центром в России. Пока мы — не номер один, по крайней мере по доле рынка, но всё ещё впереди...

Интересно, что социологические исследования во всём мире проводят по научной технологии, разработанной американцем Джорджем ГЭЛЛАПОМ ещё в 30-х годах прошлого века. Как правило, в репрезентативном опросе ВЦИОМ участвуют 1600 человек. Так рождается информация о том, что думают жители страны в конкретный момент времени на определённую тему.

Любопытный штрих: профессиональный кодекс запрещает исследователям общественного мнения вовлекать в опросы родственников, членов семей, знакомых и ... журналистов.

Вера КИРИЧЕНКО

Четыре треугольника из шести спичек

В молодёжный день работы Красноярского экономического форума его участники, по образному выражению вице-президента «Сколтеха» и модератора площадки «Люди. Наука. Россия» Алексея ПОНОМАРЁВА, обсуждали «довольно сложную, мутную и не очень публичную тему».

Чтобы обеспечить стране технологическую независимость, а в перспективе, возможно, и технологическое лидерство, Минобрнауки при участии Агентства стратегических инициатив, РАН и ведущих университетов по поручению президента страны в настоящее время форсирует разработку Национальной технологической инициативы. «Поручение президента будет выполнено к лету», — сообщило 12 февраля 2015 г. информагентство ТАСС, ссылаясь на главу Минобрнауки Дмитрия ЛИВАНОВА.

По словам замминистра образования и науки РФ Людмилы ОГОРОДОВОЙ, принимавшей участие в работе молодёжной площадки КЭФ, Алексею Пономарёву пришлось взять на себя тяжкий труд — модерировать огромную область неопределённости, потому что в послании Федеральному Собранию и в отдельном поручении президента и правительства тема обозначена, но дискуссии по ней не закончены.

Как создавать конкурентоспособный технологический сектор, есть ли потенциал для развития науки в России? Своё мнение на этот счёт открыто и смело высказал академик РАН Александр КУЛЕШОВ. Впоследствии его речь разошлась на цитаты в СМИ, а самого Александра Петровича окрестили самым экспертным из экспертов.

В точке бифуркации

«Старое поколение учёных сейчас уходит из науки, среднего нет, так что у молодых большие возможности себя реализовать в этой сфере», — заявил директор Института проблем передачи информации им. А.А. Харкевича РАН Александр Кулешов. Речь была настолько смелой, убедительной и эмоциональной, что не раз её прерывали аплодисментами. Академик напомнил, что в советское время были отдел науки ЦК КПСС, военно-промышленная комиссия и совершенно чёткое понимание, для чего стране нужна наука. Но со времени распада СССР прошло 25 лет, а Президиум Академии наук не придумал никакого нового функционала взамен того, что утратил.

Александр Петрович высказал вслух то, о чём многие предпочли бы промолчать: научная деятельность в России сейчас на уровне 30-х годов, и чтобы двигаться вперёд, развиваться, надо в первую очередь перестать себе врать и честно признать сложившуюся ситуацию — инженерные школы разрушены, продуктивных учёных мало. Однако есть критическая масса людей, способных заниматься наукой, и этот фактор необходимо использовать. Нужно начать учиться.

Но как учиться и главное — у кого? Отвечая на этот вопрос, учёный озвучил нелюбимые вещи, но и выход подсказал:

— «Сколтех» негативен с той точки

зрения, что в какой-то момент стало ясно — мы не можем привлекать западных учёных ни за какие деньги... Это как чёрная клякса. Когда тебе в европейском посольстве ставят отказ, то самое лучшее — выбросить паспорт. То же самое и здесь. Тот факт, что ты несколько лет проработал в России, неважно, за какие деньги, становится практически непреодолимой преградой для твоего будущего. Поэтому только два типа людей — те, которые уже заканчивают научную карьеру, или наша диаспора — могут быть нам полезны...

В любой области у нас есть гигантская диаспора, которая, на самом деле, с удовольствием приезжает и требует, в общем, небольших денег — оплату перелёта, как правило. Я знаю немало людей, вышедших из Красноярска, физиков, математиков, которые бесследно растворились где-то в пучинах мирового океана науки, а их надо знать.

В качестве примера академик назвал физика с мировым именем, родом из Красноярска Владимира ШАЛАЕВА, крупного специалиста в области фотоники, профессора Университета Пердью в США, где обучаются студенты из 122 стран мира.

— К сожалению, мы превратились просто в юзеров, точно так же как Зимбабве, — вынес беспощадный приговор соотечественникам академик Кулешов. — Если взять телефон стандарта LTE, то у нас в стране, и я это говорю совершенно профессионально, найдётся человек пять или шесть, кто может объяснить, как он устроен...

Раньше, например, на всемирную выставку MILCOM, которая всегда проводится в Штатах, нас не пускали, а сейчас пускают совершенно свободно. Дескать, ребята, смотрите ради бога — всё равно не сделаете, бесполезно.

Учёный подчеркнул, что развитие науки сильно мешает отсутствие конкуренции:

— Зачем США держат два одинаковых предприятия (аэрокосмические корпорации) «Lockheed» и «Boeing»? Для создания искусственной конкуренции, очевидно, потому что без неё нет продвижения. Советский Союз это прекрасно понимал, и даже где-то переусердствовал в этом смысле, потому и сломался. Любая ракетная или авиационная фирма была всегда троирована. Мы прекрасно знаем названия «Илюшин», «Туполев», «Сухой»... Конкуренция необходима. Вроде бы правдоподобная идея о том, что «ресурсов мало, давайте их объединим, и будет лучше», — на самом деле абсолютно ложная и ведёт в тупик.

Не пугайте страуса...

Подливает масла в огонь и модератор:

— Полтора года назад мы с удовольствием могли обсуждать механизмы развития инфраструктуры, механизмы конкурентной поддержки проектов, имея довольно большой ресурс на это. Но теперь все понимают, что такого ресурса нет, а с другой стороны, возникает острые потреб-

Из ста зайцев никакого слона не сделаешь, нужна действительно государственная программа с генеральным конструктором (как бы он ни назывался)... В конце концов, нужно вспомнить лучшие практики Советского Союза. Они существовали. Нельзя ни в коем случае о них забывать. *(Стати, Китэй этими практиками активно пользуется, — прим. автора).*

Если речь идёт об обеспечении безопасности и лидерства страны, то возникает вопрос: лидерство в каких технологиях и по каким направлениям?

Заместитель директора Форсайт-центра Высшей школы экономики Александр ЧУЛОК напомнил участникам круглого стола о прогнозе научно-технологического развития страны до 2030 года, утверждённом премьер-министром Дмитрием МЕДВЕДЕВЫМ год назад:

В упомянутом документе названы приоритеты в развитии науки, технологиях и технике в России: информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии, медицина и здравоохранение, новые материалы и нанотехнологии, рациональное природопользование, транспортные и космические системы, энергоэффективность и энергосбережение.

Кто не успел — тот опоздал...

— Я позавчера вернулся из Тель-Авива, где мне показывали очень интересные вещи, — поделился академик Кулешов. — Например, трекинг, который они осуществляют с беспилотников. Засекается живой объект — скажем, человек, выстреливший из дома и затем бегущий по улице. Этот трекинг — математический алгоритм потрясающей сложности. Как директор, возможно, лучшего математического института в России я вынужден признать: мы от этих разработок находимся так же далеко, как от планеты Марс... Рекомендую всем, у кого есть «Apple», скачать приложение «OK Google» и посмотреть, как оно работает. Я вам гарантирую, что никаких идей, как это сделано, ни у кого нет.

То есть начали появляться продукты, которые мы просто не понимаем, как сделаны. Это относится и к нейронаукам.

Академик припомнил, как недавно в Южной Калифорнии ему показали наркодилера, которому полицейские при задержании пробили шейный позвонок. В клинике этому человеку вскрыли череп и вживили в мозг электроды.

— Зрелище совершенно фантастическое. Лежит абсолютный овощ. У него даже мимика лица не работает, только глаза. Из тела торчат две трубки, они идут на роботизированную руку, у которой единственное ограничение: стеклянный предмет лучше не давать, потому что силу сжатия они пока не умеют контролировать. Я спрашиваю у нашего ведущего специалиста (не буду его фамилию называть): «Скажи, ты понимаешь, как эти вещи делаются?». Он честно признаётся: «Никаких идей, вообще не понимаю».

ности в действиях промышленности и всех секторов экономики... Возникают острейшие вызовы, на которые необходимо отвечать.

Получается, что время «ч» наступило, и лучше не пугать страуса, потому что в клетке у него не песок, а бетонный пол. «Прежде чем карабкаться по лестнице, давайте поймём, мы к той стенке её приставили или нет?» — вспоминается чья-то реплика.

Что же это за вызовы и как на них отвечать? Например, обязана ли страна иметь в каждом сегменте развитую науку, или это уже невозможная задача, в том числе и для других стран с учётом развития науки в мире? Феномен Тель-Авива (о нём упомянул Кулешов), где одинаково развита и медицина, и математика, и высокие технологии, и связь, — скорее исключение из правил.

— Наше отставание начало приобретать необратимый характер, — высказал свою позицию «самый экспертный из экспертов». — Надо выбрать, прежде всего, что-то очень конкретное, очень ясное, имеющее чёткую спецификацию и конкретное заказчика...

Новые задачи и старые свободы

Технологии будущего

— Я полностью согласен с Александром Петровичем Кулешовым в том, что мы фатально отстали, — делится Максим ПАТРУШЕВ, директор химико-биологического института Балтийского федерального университета, кандидат биологических наук. — У наших зарубежных партнёров уже существуют технологии, которые позволяют делать роботизированные протезы, полностью управляемые мозгом. Мы что-то понимаем на уровне технологии, но надо уже не только понимать, а начать действовать. Сегодня формально в России нет такой отрасли, как робототехника. Чтобы она появилась, нужны стандарты, конкурентная среда. Тем не менее в этих условиях мы занимаемся проектами... Я координирую работу нескольких студенческих лабораторий, которые друг с другом соревнуются.

— Допустим, студенты сделали что-то перспективное и решили довести до промышленного производства?

— Если отправить их в такие структуры, как Росздравнадзор — у них желание заниматься чем-то подобным отпадёт раз и навсегда. Нужно пройти все ступени ада, начиная с техусловий. У себя в институте, в рамках технологической платформы «Медицина будущего», мы разрабатываем диагностические системы. И вот пример: сделали отечественный прибор для секвенирования ДНК. В итоге компания «Синтол» уже года полтора мучается с его регистрацией. Хотя это лишь диагностика, а представьте, если речь зайдёт о вживлении электродов в человеческий мозг?

Иногда просто нам не надо мешать, не вставать на пути. К примеру, сделаем мы протез какой-то, управляемый мозгом. Что нам скажут? Ребята, хотите на человеке попробовать — идите в Росздравнадзор. Там, в свою очередь, никто нас и слушать не станет, потому что у них нет внутренней системы регулирования, методических рекомендаций, как надо такую систему проверять.

В Америке к прорывным технологиям отношение особое — есть система их трансфера. Конечно, и у них свои сложности, например, зарегистрировать какое-либо генно-инженерное лекарство в России проще, но погоды это не делает...

Точечно и системно

— Что бы мы тут ни придумали и с приоритетами, и с механизмами — ресурсов немного, отставание велико, поэтому очень важно точно сконцентрироваться и системно реализовывать проекты, — так в сжатом виде обобщил некоторые обозначенные проблемы модератор площадки Алексей Пономарёв.

— За последние пять лет эффективность вложения государственных ресурсов в развитие научно-технологического комплекса в России снизилась, — проинформировала на заключительном пленарном заседании замминистра образования и науки РФ Людмила Огородова. — И в том числе, это произошло потому, что есть некий кризис механизмов отбора приоритетов...

Продолжением той же темы, поднятой на молодёжной площадке, стал состоявшийся в первый день КЭФ мозговой штурм «Российское научно-образовательное пространство: стратегия конкуренции». Впрочем, тему неожиданно для участников изменили — и предложили поговорить о проекте «Пять сто», а именно: есть ли системные эффекты от выделения группы ведущих университетов и каковы перспективы попадания хотя бы пяти отечественных вузов в мировые рейтинги.

Как заметил модератор встречи Андрей ВОЛКОВ, зам. председателя Совета по повышению международной конкурентоспособности ведущих университетов РФ: «То, что здесь будет обсуждено, ляжет в основу практической работы, которая идёт под руководством министра образования Д.В. Ливанова. Через месяц заседание в Томске, где все 15 ведущих университетов будут представлять свои дорожные карты развития, и международный совет будет принимать решения».

Но, увы, по результатам дискуссии вряд ли что-либо можно будет положить «в практику работы». Начать с того, что организаторы совершенно недооценили актуальности темы, и зал для обсуждения катастрофически не вмещал всех желающих. Само обсуждение было форсировано — вместо обозначенных в программе 2,5 часа завершилось через полтора; последнее, пожалуй, оправдано: основные участники разговора уже не раз встречались и слышали друг друга.

Та же Людмила ОГОРОДОВА — на этот раз она говорила в том числе о создании консорциумов на старте каждого проекта (ей, кстати, горячо возражал президент РАН Владимир ФОРТОВ, выдвинувший вместо понятия консорциума идею решать задачу проектно-целевым методом, придуманным и реализованным в СССР ещё 60-70 лет назад).

Тот же Александр КУЛЕШОВ, который говорил те же безотрадные вещи: что если поставить задачу прыгнуть на два метра (имеется в виду указание войти в мировые рейтинги), то он готов и по два раза в день тренироваться, но «что не прыгну — это точно. Будет разве что повод сказать: я хотя бы старался».

Кулешов предложил думать не о рейтингах, а задать себе вопрос: почему так деградировало наше образование? По оценке Кулешова, теми методами, средствами и способами, которыми проектируется сегодняшняя техника, мы не владеем не только на уровне тех, кто учится, но и на уровне тех, кто учит. Его резюме: «Нет другого способа, кроме как идти на Запад и возвращаться в начало 30-х годов, когда мы строили заводы и приглашали туда иностранных специалистов... Правда, тогда была Великая депрессия, а сейчас ситуация ровно противоположная».

Отрицательный эффект, с точки зрения Кулешова, имеет и прекрасная идея мегагрантов. Она была и правильно задумана, и хорошо организована, и отбирались по-настоящему крупные учёные. Но что в результате? Маленькая деталь: финансирование предусмотрено на 3 года с последующим гипотетическим переходом созданных коллективов на самофинансирование (что, заметим в скобках, для таких областей, как математика, механика или теоретическая физика — просто нереально). И вот приезжает действительно большой учёный, работает здесь 3 года, создаёт некую исследовательскую группу. А через 3 года с лучшими из этой группы уезжает к себе обратно — в университет основной прописки. Получается, за огромные государственные средства мы сами помогаем провести конкурсный отбор и выманить из страны наиболее перспективных молодых учёных!

Пожалуй, нечто позитивное и рациональное (к тому же поднимающее реноме университетов) можно было извлечь лишь из выступления Евгения КУЗНЕЦОВА, директора проектного офиса Российской венчурной компании. Он обратил внимание на то, что к университетам во всём мире сейчас предъявляется совершенно другой уровень задач.

Е. Кузнецов:

— Университеты — это далеко не только подготовка кадров и производство научных знаний.

Ведущие мировые университеты фактически становятся центрами формирования принципиально нового общества и новой экономики.

То есть являются генераторами новых процессов и проектов. Это очень хорошо видно на сравнении двух знаменитых британских университетов — Кембриджа и Оксфорда. Недавно был фундаментальный разбор их результатов, по которым Кембридж оказался значительно успешнее Оксфорда даже по своим формальным университетским показателям — по качеству выпускников, по качеству профессоров, по качеству

исследований. И случилось это именно потому, что ещё 20-30 лет назад он сделал ставку на формирование вокруг себя предпринимательской технологической среды. Именно она привлекла в Кембридж наиболее успешных профессоров, именно она принесла деньги, именно она привлекла наиболее талантливых студентов.

Мы недавно обнаружили, что ведущие мировые университеты, особенно в странах БРИКС, выполняют подчас уникальную функцию, которую не способен выполнить ни один другой научный субъект. Они выступают интеграторами комплексных междисциплинарных исследований. Эта интеграционная функция на базе университетов может быть реализована со значительно большей лёгкостью, чем на базе академического сообщества. Потому что просто даже собрать для предварительного дизайна комплексного проекта несколько десятков профессоров из разных областей здесь проще.

Приведу пример — флагманский проект для Embraer, который делает университет в Сан-Паулу. Около 60 профессоров — физики, химики, биологи, социологи, психологи — занимают

ся исследованием комфортного состояния человека в кабине самолёта. Заметьте, только кажется, что это прикладная задача. На самом деле там возникает масса исследовательских, в том числе фундаментальных, разработок. И такую интеграцию не способен сделать ни один другой тип исследовательских субъектов за разумные деньги.

В британских, американских, корейских университетах тоже есть такие примеры. Университеты российских пока на рынке решения комплексных задач не действуют, они решают частные задачи. Эта практика работы по узким сегментированным НИР университеты не развивает.

Нужно переходить к тому, чтобы генерировать сложные комплексные продукты и производить не только знания, но и необходимую для этого среду — среду предпринимательскую, среду сложного научного менеджмента, среду менеджмента наукоёмких процессов. Это только университет может сделать, потому что только в нём можно совместить бизнес-школу, технологическую школу, научную школу, медицинскую школу и т.д.

Университет как генератор принципиально новой структуры экономики — вот тот вызов, который нам надо брать. Потому что именно в нём мы проигрываем и именно он является наиболее привлекательным для денег и талантов.

В словах Е. Кузнецова резанула слух только фраза: «университеты должны создать из себя удобный сервис». Вспомнилось прошлогоднее интервью педагога и математика Сергея РУКШИНА «Газете.ру», где он говорит про то, что 12 лет реформ поставили образование на грань, где из системообразующего института нации оно превращается в услугу; «преступление против страны — позиционировать образование как услугу».

То, что в деле реформирования вузам предстоит пройти между Сциллой и Харибдой, они прекрасно понимают, это видно из слов Эдуарда ГАЛАЖИНСКОГО, ректора Томского национального исследовательского государственного университета:

— Мы должны трансформировать университет, изменив в нём всё. И при этом сохранить самое главное, чем университет всегда являлся. Корпоративная система управления заходит в университет. Но при этом условием производства новых знаний остаются академические свободы, автономия. И важно сохранить эту свободу и автономию, творческую среду. При этом поставить эту среду на службу совершенно конкретным задачам...

А завершим мы обзор этой площадки КЭФ двумя мыслями Владимира Фортова — возможно, очевидными, но, видимо, нуждающимися в постоянном повторении (во всяком случае, присутствующие им аплодировали).

Президент РАН сказал, что заучивать объёмы знаний уже давно неэффективно и бессмысленно. Надо учить понимать и думать. И здесь роль Академии наук может быть большой и позитивной, поскольку научить пониманию может только человек, активно работающий в науке. Колмогоров и Ландау преподавали — и все мы знаем результат.

А вторая мысль: чудовищный рост бюрократии и отчётность, которую плодят чиновники. Владимир Евгеньевич привёл пример отчётности в США: если учёный там написал статью в рецензируемом журнале, если она прошла международную редколлегию, то ссылка на эту статью — и есть отчёт.

В. Фортов: «Я думаю, мы добрались в нашей науке и образовании до такого этапа, что надо не бумаги плодить, а каждый шаг соизмерять с пользой, которая от этого шага возникнет для конкретного преподавателя в аудитории и для конкретного исследователя, который сидит напротив осциллографа».

...Кто знает, может, самое наиболее из сказанного и войдёт в практику работы министерства Дмитрия Ливанова.

Как договориться с элитами

Один из лучших подарков КЭФ, сделанных красноярцам, — выступление Александра АУЗАНА в рамках лектория, прошедшего в СФУ. Декан экономического факультета МГУ, президент Института национального проекта «Общественный договор» прочёл сибирским студентам даже не лекцию, а научный «лауреатский» доклад, подготовленный к вручению международной Леонтьевской медали «За вклад в реформирование экономики» (по итогам 2014 года лишь двум людям в мире вручена эта медаль — А. Аузану и Фернанду Энрике Кардозу, бразильскому социологу и государственному деятелю).

У Александра Аузана так много регалий и заслуг, что их перечень уместнее сверить по Википедии. Мне он симпатичен как минимум по двум причинам. Во-первых, Аузан в отличие от многих других экономистов позитивен. Он не твердит с заламыванием рук, что сырьевая экономика — проклятие России, а говорит, например, что кроме нефти и газа мы поставляем на экспорт ещё кое-что — мозги. А это значит, что наша система образования всё ещё конкурентоспособна. Или, допустим, из трёх сценариев выхода из кризиса (либеральный, мобилизационный, инерционный) он совершенно спокойно обсуждает мобилизационный как самый вероятный и не такой уж катастрофический.

А второе — Аузан не только рассуждает о глобальном, но готов улучшать окружающий мир практически. Чего стоит история, когда от имени Конфедерации обществ потребителей он добился, чтобы компания «Вимм-Билль-Данн» убрала из своей рекламы «Любимого сада» утверждение, что сок натуральный, хотя в нём присутствовали добавки... И вообще он шутит, что его преследует рок: в каждом кафе и магазине он сталкивается с нарушениями прав потребителей, которые не может не защищать.

На лекции мэтра в СФУ лишь треть слушателей были экономисты. Остальные — юристы, математики, строители, политологи, педагоги, филологи... «Моя любимая междисциплинарная аудитория, — прокомментировал докладчик. — Для меня в МГУ особым праздником является недавно основанная традиция так называемых межфакультетских курсов; их читают студентам других факультетов, и туда не имеют право ходить студенты своего факультета».

Итак, доклад. По большому счёту, он затрагивал две темы, над которыми учёный думает последние 15 лет. Это проблема элит и проблема общественного договора.

Мыслители-предшественники

Начал Александр Александрович с фразы САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА: в России за 5 лет меняется всё, а за 200 лет не меняется ничего. «Думаю, это был первый русский мыслитель, который зарегистрировал явление колеи». Далее — философы Георгий ПЛЕХАНОВ, Георгий ФЕДОТОВ и Николай БЕРДЯЕВ, которые раньше американских экономистов заметили,

что Россия и некоторые другие страны при всём желании почему-то никак не могут вписаться в траекторию западного развития.

Ярче всех, на взгляд А. Аузана, сказал Бердяев: «С февраля по октябрь 1917 года перед восхищённым русским взглядом прошли парадом все возможные партии и идеи. И что же выбрал русский человек? То, что имел: царя и державу».

Почему мы сталкиваемся с этим дежавю, с этим повторением истории? Плеханов объяснял это тем, что в России самодержавие — это не то же, что абсолютная монархия в Европе, а крепостничество — не то же, что феодальная зависимость. Современным языком сказали бы: институты разные.

Георгий Федотов видел объяснение в том, что постоянно воспроизводится московский тип, который выступает за царя и государственную организацию.

А дальше пришло время гипотезы философов проверить статистическими данными. Вот это первыми как раз сделали западные экономисты.

Таблицы Мэдисона

Открытие в конце XX века совершил англо-американский статистик Ангус МЭДИСОН. «Я не завистливый человек, но Мэдисону завидую, — признаётся А. Аузан. — Ведь чего проще! На одной страничке свести данные за 200 лет по валовому продукту и по продолжительности жизни населения. И когда он это сделал, выяснилось, что есть всего две траектории движения. Экономисты ахнули, когда увидели эту картину».

Первый радостный вывод из двух траекторий — прогресс, видимо, существует. Потому что ожидаемая продолжительность жизни поднялась у всех, даже в слабых странах Африки.

Второе — состав успешных или неуспешных стран не очень меняется. В лидерах Европа и Северная Америка. После Второй мировой к ним добавляется ряд стран Восточной Азии. Внизу как были, так и остаются Индия и Африка.

Третий вывод — разрывы не уменьшаются, а растут. Если в начале XIX века качество жизни отличалось в четыре раза, то к концу XX-го — в сто.

Интересно, что страны траектории А демонстрируют быстрый рост, своеобразную вторую космическую скорость, хотя годовой рост у них может быть маленький. А в траектории Б рост медленный, хотя годовые показатели могут быть высокими.

Так, Германия растёт среднегодовым темпом 3-4%. А Китай — 8-11%. Тем не менее многолетняя скорость Германии намного выше, чем Китая. Потому что главным оказывается не то, как расти, а как падать. И это особенно важно сейчас, во время кризиса.

Так почему одни страны падают неглубоко и несильно, а другие быстро растут, но и резко падают? Оказывается, и это не секрет: у стран траектории А общественные институты хорошие. Они очень сильно влияют по крайней мере на мягкость падения. Тогда почему страны категории Б не переносят к себе эти институты? Переносят: переписывают законы, развивают демократию. Только мало где это приносит изменения.

Статистика, по существу, показывает, что есть две траектории, к которым притягиваются страны. Покинуть одну траекторию и перейти на другую — очень тяжело. Эту проблему больше 10 лет назад А. Аузан предложил по-русски называть «эффектом колеи», а с английского переводят как «проблему зависимости от траектории предшествующего развития».

Неудачное живёт: феномен qwerty

Теорию институциональных изменений разработал Дуэглс НОРТ, за что получил Нобелевскую премию 1992 года.

Его гипотеза основана на известном техническом феномене, который в свою очередь открыл Пол ДЭВИД и назвал QWERTY. Все мы можем наблюдать этот феномен у себя на клавиатуре компьютеров: в английской раскладке в левой верхней части буквы складываются в такую строку. В конце XIX века так называлась одна из лондонских фирм, которая выпускала пишущие машинки и сделала себе рекламу. Теперь пишущие машинки не выпускают, фирма не существует, расположение клавиш — неудачное, что было доказано в 60-е годы, но оно закрепилось. Оказываются, и неэффективные решения могут встраиваться в систему.

Более близкий нам пример этого — русская ширина железнодорожного полотна. Она шире европейской, и современные технологи считают, что наши инженеры правы, это оптимальное расстояние. Но нет никакого шанса, что мир поменяет сеть железных дорог на наши правила. Это и есть феномен qwerty. Технические решения могут быть правильными или ошибочными, но как только появляется стандарт, он даёт сетевые эффекты, экономию на масштабе, распространяется на соседние отрасли, способствует координации... В итоге — решения закрепляются.

То же самое Норт предположил применительно к институтам. Он проанализировал две пары исторического развития: Англию и Испанию, а также северные и южные американские республики. И вот что у него получилось.

В XVI веке Англия и Испания ничем не отличались: близкое по численности население, обе страны создали империи, обе переходят к мануфактуре, общественная жизнь характеризуется борьбой короля и парламента. Но Англия стала одной из первых стран мира, а Испания — одна из самых отсталых стран Европы. Почему?

Норт доказывает: причина в налогах. Случайным образом, а не потому, что так придумали великие английские экономисты, налоги в Англии попали в руки парламента, а в Испании — в руки короля. В результате испанцам не было смысла инвестировать, нужно было тратить (короли любят дырявый бюджет). А англичане инвестировали. Англия получала из колоний меньше, чем Испания, а процветание оказалось более масштабным.

Забавно, что даже теперь, когда Испания осознала эту проблему и решила её законодательно, расклад сохраняется. Потому что традиция закрепилась в культуре, и нет институтов, чтобы это поменять.

То же можно увидеть в сравнении Аргентины и США. До середины XX века эти страны были равными по валовому продукту на душу населения. Но кто теперь помнит, что Аргентина входила в десятку самых развитых стран мира? И здесь Аузан предупреждает: «Я боюсь, как бы в начале XXII века такой вопрос не задали про Россию».

Отставание — норма, успех — исключение

Над тем, как отстающим преодолеть отставание и возможно ли это в принципе, ломают голову учёные всего мира. На взгляд А. Аузана, наиболее интересная работа последних лет («хулиганская») — обобщённая теория Норга, Уоллиса и Вайнгаста в книжке под дерзким названием «Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества» (2009 г.). Выделить в ней можно три момента.

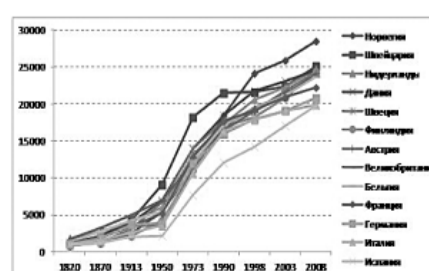
Во-первых, если на траектории А находится 25 стран, а на траектории Б — 175, то почему развитие считается правилом, а отсталость исключением? Всё ведь наоборот. Надо объяснить, не почему страны отстают, это нормально, а почему эти 25 преуспевают. Они, кстати, сами объяснить это не могут, у них сплошные вопросы.

Второе: переход из одной категории в другую — длинный, занимает примерно 50 лет чистого времени. Мы считаем, что Южная Корея уже в траектории А, а на самом деле она ещё не закончила переход. Что касается Китая — он перехода даже не начал, очень медленно движется Китай по многолетним скоростям.

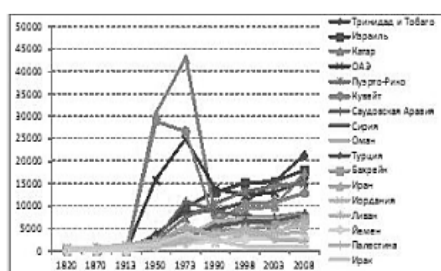
И третье. Две траектории являются, по сути, разными социальными порядками, а не просто последовательными фазами развития. И «порядки», характеризующие экономически успешные страны, следующие.

Элиты в этих странах создают законы для себя и распространяют на других (хочется высечь это золотыми буквами — авт.). А во всех остальных странах элиты делают для себя исключение в отношении законов.

Траектория А

Траектория Б

Коммерческие, политические и общественные организации в экономически успешных странах депersonализованы, не зависят от того, умер создатель, участвует ли он в управлении, сбегал ли с молодой любовницей в Европу — организации живут. А вот в странах неуспешных организации хиреют, болеют и умирают, если что-то произошло с основателем.

Наконец, в успешных странах элиты совместно осуществляют контроль над инструментами общественного насилия, а в неуспешных — распределяют элементы насилия между группами элит (допустим, я контролирую военно-воздушные силы, ты — полицию, а он — армию).

Если посмотреть с этой точки зрения на нашу страну, то после смерти Сталина коллективный контроль над силовыми структурами у нас возник: великий Жуков был снят с поста министра обороны. Организации в СССР переживали своих создателей — и КПСС, и ВЛКСМ, и ВЦСПС. При Горбачёве даже попытались создать законы для всех — но тут-то всё и рухнуло. Хотя по показателям развития СССР был очень близок к успешным траекториям.

Дано: колея.

Задача: выскочить из неё

Кажется, что правила успешных стран — это такие цели, которые надо достичь. Но можно ли это сделать — вопрос. Оказывается, модернизация (или переход с первой космической скорости развития на вторую) — это не задача, а проблема. Никто не знает, как её решать.

Было много предположений, с чего лучше начинать, чтобы запустить экономический рост. Все эти предположения просчитали — и рецепта не нашли.

Так, не подтвердилась гипотеза Липсета, что экономический рост ведёт к улучшению политических институтов (посмотрите на Египет).

Гипотеза «барьеров несвободы» Илларионова (демократизация ведёт к экономическому росту) опровергнута — не обнаружено однозначной причинно-следственной связи между демократизацией и ростом. Более того, демократизация может дать отрицательные экономические эффекты при плохих институтах.

Последние 8 лет экономисты провели в поисках социально-культурного входа в модернизацию. О том, что переход на более высокую траекторию может осуществляться средствами образовательной и культурной политики, писали Аузан, Архангельский, Лунгин, Найшуль, Келимбетов...

Колея образуется из-за случайности политического или даже персонального выбора. Но потом закрепляется в культуре путём конвенции элит по поводу производства общественных благ: элиты договаривались между собой, как они производят законы, как управляют, как обеспечивают общественную безопасность. По существу это история социального контракта.

Так вот социальный контракт (общественный договор) и есть тот «замок», который удерживает страну в колее. Осознание и изменение общественного договора есть условие выхода из колеи.

Два типа социального контракта

Общественный договор имеет верхнюю часть айсберга — конституцию, и скрытую часть — обмен ожиданиями по поводу того, какие будут права и свободы, что будет с образо-

ванием и здравоохранением, кто будет платить за суд, за безопасность, за знания, за здоровье...

Фактически есть два типа социального контракта: вертикальный и горизонтальный. Вертикальный контракт заключается неполитическим (символическим) способом. Процесс обмена сигналами между участниками чаще всего является асимметричным и осуществляется через СМИ. Выбор оптимальной ставки налогообложения не зависит от объёма предоставляемых общественных благ.

При горизонтальном контракте объём предоставляемых общественных благ соответствует объёмам налоговых поступлений, и государство решает эти задачи не последовательно (сначала определяется налоговая ставка, потом думают, как делить), а одновременно.

Конечно, социальный контракт в разных странах понимается особо. Например, и Европа, и США — страны горизонтального контракта. Но представление о неравенстве, перераспределении и ценностях в них существенно отличаются.

	США	Континент. Европа
Считаете ли вы, что причиной бедности является лень?	60%	26%
Считаете ли вы, что доход определяется удачей?	30%	54%
Считаете ли вы, что бедные заперты в «ловушке нищеты»?	29%	60%

Попытку выхода из колеи Россия сделала, приняв Конституцию 1993 года. Но оказалось, главный вопрос — кто будет платить за общественные блага — не был поставлен. До этого государство изымало доходы от организаций экономики и вкладывало в бесплатное образование, здравоохранение и т.д. А в новой структуре как платить?

Мнение эксперта о КЭФ

В.М. ЗУБОВ, профессор МГУ им. Ломоносова, депутат Государственной Думы РФ

— Положительно оцениваю тот факт, что снизилась пафосность форума, представительский антураж. В связи с этим лучше стала кристаллизироваться содержательная часть. КЭФ очевидно занимает второе место среди российских форумов, и я бы выделил две основные составляющие:

- технологичность и работа с зарубежными партнёрами, в первую очередь на Востоке;

- хорошее впечатление от молодёжной пленарки; сформировалась уже довольно большая группа молодых людей, которые смотрят на мир иначе, чем моё поколение. Они говорят о социальных проблемах более раскованно, более конструктивно, иной терминологией. И тот факт, что на КЭФ стал громче звучать молодёжный взгляд на происходящее, для меня интересен.

Участвующие в обсуждениях известные экономисты для меня ничего нового не сказали. Эти московские представители экономической науки, эксперты при больших регалиях, на которых ориентируются власти, приехали на форум и фактически ничего не привезли — нет новых идей, нет новых решений. На макроуровне обсуждения ещё и уходили в сторону от проблем и постановки задач.

Зато было много кулуарных разговоров с представителями предприятий, и вот их поиски выхода из ситуации были гораздо интереснее.

Считаю, что сибирская составляющая на форуме должна быть усилена. То, что происходит в Сибири, оказывает мощное влияние на процессы в стране. Сейчас Сибирь — это наш выход на страны АТР. Надо искать своё место в этом взаимодействии, делать упор на сибирскую тематику, локализовать проблемы, искать решения. Мы все научились красиво говорить, а вот как эффективно строить сотрудничество России со странами АТР, используя потенциал Сибири, мы не понимаем.

Путём налога. Но избирателям об этом не объявили. Слишком тяжёлая борьба шла между правящей элитой и оппозицией, и ни те, ни другие не решились сказать, что для того, чтобы было бесплатное образование, за него кто-то должен заплатить.

В итоге — мы страна невидимых налогов. Три года назад экономисты МГУ посчитали, что россияне платят 48% реального дохода. Примерно как европейцы. Только незаметно для себя. Потому что это в основном косвенные налоги — НДС, акцизы и т.д. То есть платим мы столько же, но в голове этого у нас нет.

Мобилизация по варианту lite

Исследования подтверждают, что преобладающей формулой контракта в России является «Стабильность в обмен на лояльность». Данная формула соответствует инерционной стратегии, в которой страна находится с 2004 г.

В 2008-2009 гг. под воздействием экономического кризиса произошла модификация социального контракта: увеличение социальных обязательств бюджета в обмен на лояльность, которая выдержала испытание в ходе электорального кризиса 2011-2012 гг., но не создаёт возможности развития, одновременно генерируя макроэкономические риски.

В 2014 году произошёл ещё более серьёзный сдвиг в отношении социального контракта. Оказалось, страна не вытягивает социальные обязательства, развитие замедляется и инвестиции падают. Нужно делать ограничения социальным ожиданиям... И компенсацией этого ограничения стало присоединение Крыма.

Мы по существу вернулись к до-революционной модели социального контракта. Первый раз это было при Петре Первом, второй раз — при большевиках. Такой контракт соответствует мобилизационной стратегии развития: ресурсы ограничивают поле перераспределения, власть и собственность сближаются, из европейской культуры (а теперь из Азии)

заимствуются модернизационные задачи, репрессии сочетаются с патристической риторикой.

Известно и то, как живёт подобный социальный контракт: объявляется мобилизация, совершается рывок, происходит подрыв человеческого потенциала, численность населения падает — и тогда происходит откат и демобилизация...

Впрочем, по прогнозу А. Аузана, сейчас это будет вариант lite. Не будет принуждения населения: мы страна с открытыми границами, у нас нет большого репрессивного аппарата, строить его очень дорого и долго... Поэтому будет вариант lite, когда манипулировать можно ресурсами. Например, частную компанию, типа «Башнефть», деприватизировать, а потом решать, отдать эти деньги в бюджет или одной из государственных компаний...

Это будет вариант, связанный с инновациями в оборонном секторе, они уже начались. Идеологическая мобилизация и готовность населения к этому — тоже налицо. Статистика показывает, что возникшие в 2014 году ограничения по выбору, по ценам пока не повлияли на консолидацию, т.е. контракт устоял.

Но главные трудности впереди. Подрыва населения не будет, но схема наткнётся на недостаток высококвалифицированных кадров. Потому что главные конкурентные преимущества XXI века — это качество человеческого капитала. В апреле прошлого года член экономического совета при Президенте РФ А. Аузан убеждал председателя правительства в том, что макроэкономическая ситуация будет плохой, но нужно сохранить инвестиции в человеческий капитал. С этим согласились. Но когда был опубликован бюджет, стало ясно: этот капитал сохранять не собираются, а это опасная штука.

И дальше лектор обратился к аудитории почти с призывом:

— С моей точки зрения, студенты и университеты для развития гораздо важнее, чем руководители институтов развития и инновационной динамики — замечательные люди, которые сейчас собираются на Красноярском форуме обсуждать вопрос о судьбе экономики.

Университеты производят не только частные блага, т.е. вашу способность продать себя на рынке. И не только социально значимые блага, потому что вы все — разные профессионалы и можете работать для страны, как оркестр. Университеты производят ещё и культуру.

Университеты производят будущие элиты, которые будут делать предложения неэлитным группам (потому что именно элиты умеют договариваться). Элитные университеты производят доминирующие группы будущего, а массовые университеты производят средний класс.

Сейчас в университеты закладывается следующий этап долгосрочных изменений. И важно не проиграть 2020-е годы. Потому что они будут решающими для того, чтобы Россия не повторила путь Аргентины.

Надо думать надолго вперёд. Я даже иногда говорю, что для меня люди различаются не по взглядам, а по их длине: консерватор, либерал, националист, социалист — ради бога, всё что угодно. Только посмотрите на 15 лет вперёд. Как только возникает долгосрочное мышление — возникает результат.

А завершить хотел бы поговоркой, которую очень люблю: те, кто хочет получить всё и сразу, получают ничего и постепенно.

Мнение экспертов о КЭФ

Окончание. Начало на стр. 5 и 9

П.М. ВЧЕРАШНИЙ, первый проректор Сибирского федерального университета

— В настоящее время СФУ активно работает над поиском и продвижением проектов, задающих стратегическую перспективу развития края и России в целом. К форуму мы подготовили круглый стол, на котором обсуждались проблемы импортозамещения и создания производств по переработке сырья с содержанием редкоземельных металлов. Красноярский край обладает колоссальными запасами этого стратегического сырья, которое принципиально важно для высокотехнологического сектора экономики.

Спрос на редкоземельные металлы и материалы растёт во всём мире, а сейчас этот рынок почти полностью контролирует одна страна — Китай. По общему мнению участников дискуссии, Красноярский край мог бы стать наиболее перспективной площадкой для модернизации редкоземельной промышленности России.

Заинтересованность в этом проекте очень высокая, инвестиционный потенциал проекта — более сотни миллиардов рублей.

Реализация данного проекта позволит в перспективе обеспечить полный технологический цикл и удовлетворить потребности российского оборонно-промышленного комплекса и гражданских отраслей, и кроме того, выйти с конкурентоспособной продукцией на зарубежные рынки. Участники круглого стола подготовили резолюцию, в которой рекомендуют Министерству промышленности и торговли России включить данный проект в Программу Правительства РФ по импортозамещению.

Для меня обсуждение этой темы — не просто лоббирование интересов университета и Красноярского края, это конкретный проект, формирующий перспективы развития страны.

Н.В. ЗУБАРЕВИЧ, профессор МГУ им. Ломоносова (Москва)

— Наконец-то на форуме была нормальная пленарка и перестали говорить «наш паровоз вперёд летит», было достаточно серьёзное обсуждение проблем. Раньше фирменным стилем КЭФ была демонстрация успеха — «какие мы крутые и как мы всё сделаем хорошо». Я считаю, что трезвый взгляд на жизнь более полезен. КЭФ-2015 был содержательнее предыдущих форумов, ориентирован на решение проблем.

Правда, неожиданным оказался настрой на сессии, которую проводил Минвостокразвития, где нам с пафосом рассказали, как через сколько-то лет будет хорошо. Никакой аргументации, никакого разбора полётов, просто промоушен своих планов. Так что в некоторых своих местах КЭФ продолжает быть таким, как прежде — суперпафосным и в чём-то декларативным.

А.Н. ТОКАРЕВ, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск)

— На мой взгляд, одним из ключевых мероприятий форума был мозговой штурм «Промышленная политика импортозамещения: в поисках новых кандидатов на взлёт?». На этой сессии были интересные обсуждения вопросов импортозамещения для целого ряда важных отраслей российской экономики,

включая станкостроение, сельское хозяйство, фармацевтическую промышленность. С позиций импортозамещения в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке сложились уникальные предпосылки для развития местных поставщиков. Растут объёмы добычи нефти и газа, прогнозируется их дальнейшее увеличение, что предвещает растущий спрос на оборудование и материалы.

Также важны удалённость этих регионов от крупных поставщиков из европейской части России и географическая близость к азиатским партнёрам (с точки зрения создания новых совместных предприятий). Хотелось, чтобы эта и другие сибирские тематики более отчётливо звучали на форуме. Вероятно, необходимо увеличение времени на проведение мероприятий, мозговых штурмов.

Важность форума и в том, что он не стал пессимистическим. В целом участники продемонстрировали довольно оптимистический взгляд: мы обязательно найдём выходы из этой ситуации. Может быть, не всегда оптимальные, в том числе потому, что мы выучили не все «уроки» прошлых кризисов. Но форум показал, что ответ на основной вопрос первого пленарного заседания (сейчас кризис или время возможностей?) в большей степени лежит в плоскости поиска новых возможностей.

С.Г. КОМАРИЦЫН, директор Центра гуманитарных исследований и консультирования «Текущий момент» (Красноярск)

— «Красноярская» составляющая форума для нас чрезвычайно важна — это локальные инвестиционные проекты, представленные небольшими компаниями и научными коллективами. Были и конкретные предложения по антикризисным мерам. В частности, о создании оптово-распределительных центров, то есть концентрации мелкого сельхозпроизводителя в крае, который никогда самостоятельно не пробьётся на рынок и т.п.

Однако какой-то основной большой, даже судьбоносной темы на форуме не было. Определённая в пожарном порядке тематика «продвижения на Восток», интеграции с АТР — это просто пережевывание давно известного. К сожалению, забалтывание реальных проблем в экономике страны стало характеристикой форума. Здесь две причины — растерянность в руководстве страны (а организатором форума вместе с краем является Правительство России) и организационная форма проведения дискуссий — она неадекватна потребностям и, в принципе, не может нести какое-то содержание.

У нас неправильно определяются критерии эффективности форума. Всё время говорят про какие-то мифические миллиарды, про подписанные соглашения. Мы же помним, как на десяти форумах подряд подписывались соглашения по красноярскому аэропорту, причём с разными инвесторами, а воз и ныне там. Для договорённостей с «Норильским никелем» не нужны никакие форумы. Это просто ритуальное действо во время проведения КЭФ, и не больше того. Результатом работы форума должны стать программно-стратегические предложения, а их-то и не было.

Что обнадеживает, так это поручения, которые дал губернатор В.А. ТОЛОКОНСКИЙ по итогам КЭФ. Во-первых, это обсуждение с самим губернатором тех инициатив и проектов, которые были представлены на форуме — с этим всегда было плохо, люди работали, что-то предлагали, а о них тут же забывали. Второе — это создание в крае масштабной программы подготовки к КЭФ-2016. Это проведение многоуровневых мероприятий с привлечением научного и профессиональных сообществ.

И, наконец, губернатор поручил готовить серьёзное расширение круга международных участников, в том числе банков. Это правильно, нельзя всё время ориентироваться только на министров российского правительства. «Под» серьёзных зарубежных участников придут и наши.

В.И. СЕРГИЕНКО, депутат ЗС Красноярского края, президент Союза товаропроизводителей и предпринимателей Красноярского края

— Меня умиляет, что на КЭФ подписывают какие-то соглашения. И наши абсолютно не склонные к аналитике СМИ, захлебываясь от восторга, рапортуют: вот сколько соглашений подписали! Ну, подписали. Из подписанного за эти 12 лет что реализовано, какой процент?

Требовать от форума подписания соглашений и этим измерять его эффективность — странно. Это не инвестиционный форум. Общественности кажется, что форумы проводятся для этого. Но ни одного ЦБК после этих форумов не построено. И подписывать соглашения в рамках форума — только зря его перегружать.

КЭФ — скорее, площадка для обсуждения сложившейся экономической, финансовой, политической ситуации. Попытки найти выход, направить движение в нужную сторону. Обязательны ли рекомендации форума для власти, для людей, которые принимают решения? Нет, не обязательны. И в этом смысле продуктивная часть форумов, мягко говоря, не особенно осязаема.

Что было сделано на КЭФ-2015? Организаторами предпринята попытка в ответ на введённые санкции переориентировать российскую экономику и политику на Восток. Другой вопрос — а Востоку это надо? Россия в торговом обороте наиболее развитых экономик Азии занимает ничтожное место, и её присутствие или отсутствие серьёзного значения для стран Востока не имеет. Тем более что мы не многое можем и предложить.

Вторая предпринятая на КЭФ попытка — проанализировать сложившиеся кризисные условия и найти пути минимизации влияния кризиса. Думаю, это была наиболее продуктивная часть форума. Здесь на самом деле предлагались и власти, и бизнесу пути для нивелирования отрицательных последствий кризиса. Но будут ли они реализованы в практике управленческих решений?...

По большому счёту Красноярский экономический форум — это целенаправленное промывание мозгов либеральной частью нашего управленческого истеблишмента всем остальным участникам. Попытка доказать, что никакой другой модели экономики для России в принципе не должно обсуждаться.

Но посмотрите, кто формирует повестку форума, контингент модераторов, спикеров, кто сидит на панельных дискуссиях и их ведёт? Единомышленники. Поэтому зачастую дискуссии и не получаются. Почему ни разу не пригласили, например, академика С. ГЛАЗЬЕВА с его идеями, программой выхода из кризиса? Почему институты Академии наук, даже СФУ, не доминирующее место занимают в проведении этого форума?

При этом интерактивное голосование по многим вопросам, несмотря на заклинания модераторов по поводу того, что дальнейшая либерализация — это единственный выход из ситуации, показало совершенно иные ожидания аудитории. Эти идеи не набирали больше 5-7%. А вот некоторые другие идеи, которые не обсуждались, но были поставлены в таблицу интерактивного голосования, набирали подавляющее большинство сторонников.

Форум, если уж мы его проводим, должен быть по-настоящему дискуссионным, площадкой для выработки в том числе и альтернативных решений или, во всяком случае, предложений. А игра в одни ворота — это имитация обсуждения.

Одна из бед нашей власти — она воспринимает как противостояние тезисы, которые предлагает общественность, если те же идеи заранее не озвучены самой властью. Да нет противостояния! И никакая общественность не радуется тому, что в экономике всё плохо. Сейчас даже не до поиска — кто виноват. Вопрос главный: что делать? Наверное, какой-то вклад в ответ на этот вопрос форум внёс.

У истории недетское лицо

Пример Украины показал, что буквально в течение 10-15 лет может вырасти целое поколение людей, мировоззренчески не просто отличное от своих родителей, а прямо им противоположное. Почему казавшийся незыблемым культурно-исторический образовательный фундамент народов СССР, формировавшийся десятилетиями, рассыпался буквально за годы?

Не будем говорить за всю идеологическую платформу, возьмём только историю, причём не как науку для немногих, а как школьный курс для всех. Когда в декабре в Красноярске проходил Сибирский исторический форум, одним из наиболее ожидаемых гостей была доктор педагогических наук, профессор Дальневосточного государственного гуманитарного университета Ольга СТРЕЛОВА. Она представляла инновационную модель учебно-методического комплекса по истории Сибири, и мы попытались расспросить Ольгу Юрьевну не столько о том, ЧТО должно быть в школьном курсе истории (матрицы меняются легко, как мы видим), а скорее КАК помогать детям обретать историческое сознание.

«История — это вымысел, которым все согласны» (ВОЛЬТЕР)

Первая серьёзная ошибка учителей-историков, причём как раз учителей увлечённых, талантливых, по мнению Ольги Юрьевны, в неверном определении цели и, как следствие, неверной постановке задач.

— Наука работает ради нового знания, а образование работает ради ребёнка. У историков и педагогов разные целевые аудитории и разные проектируемые результаты. В голову педагогов, увлечённых историей, часто не может войти мысль, что они в первую очередь должны думать: «Как я своим интересом к истории могу помочь ребёнку понять себя и других?». История в школе должна иметь гуманистический, человеческий подход, неопределённость и вариативность: что могло быть и что было в результате тех или иных решений людей.

— Но ведь принято считать, что ребёнок, подросший ещё не готов самостоятельно разбираться в исторических коллизиях, поэтому школьный предмет «История» должен быть простым и понятным, а не многозначным и всесторонним...

— А вы назовите мне день, число и год, когда он будет «уже» готов? В 6-м классе рано, в 7-м классе рано, но извините, в 9-м уже поздно! В результате дети в 10-11 классах, а потом и в вузах становятся великодушными «симулянтами», они понимают, какой ответ от них ждут в тех или иных обстоятельствах. Надо научить их воспринимать информацию открыто, но в то же время критически, осторожно. Нельзя закладывать в голову ребёнку, что история, прочитанная в учебнике или услышанная на уроке, — это неизменно до конца жизни. Может власть перекарапиться, могут открыться новые исторические источники, появиться новые инструменты самопознания.

— Получается, что в истории нет ничего постоянного, стабильного? На что тогда опереться в познании мира ребёнку, да и взрослому?

— До сих пор часть отечественных историков настаивает на объективности истории как главной её ценности. Но история (как и другие науки, и проектируемые на их основе учебные предметы) субъективна. Есть выражение Люсьена ФЕВРА: «Истории нет, есть историки». История — это то, что по-своему пишет каждый новый исследователь. Появляются новые данные, новый угол зрения, новые научные методы, меняется отношение к прежним исследованиям. В этом смысле история пишется без конца, воспроизводится в новых интерпретациях. Поэтому не надо детей грузить системным знанием, пытаться вложить в школьные учебники всю историю и делать в итоге вид, что они получают глубокие прочные знания.

«История — самый лучший учитель, у которого самые плохие ученики» (Индира ГАНДИ)

— Пусть задача школьного курса истории — не в заполнении головы ребёнка информацией и постулатами, а в обучении его пониманию окружающего мира. Но ведь сама по себе исто-

рия — это всё-таки набор фактов, событий. Куда без них?

— Нужен совершенно другой подход к фактам, к тому, какие периоды истории станут ключевыми. Начинать нужно с погружения в какой-то интересный период, а уже от него можно пойти дальше в любую сторону строить конструкцию миропонимания. Детям интересно что-то конкретное, личностное, так давайте начнём с небольшого, но яркого факта.

— Как к таким идеям, методикам относятся школьные педагоги?

— Нужно менять обязанности и само представление о том, кто такой учитель. Мне одна учительница говорит: «Представляете, 14 страниц на один урок! Как дети это будут читать и запоминать?». А не надо читать все 14 страниц, потому что учебник перестал быть нормативным! Это учитель должен перед уроком прочитать авторский текст в учебнике и отнестись к нему именно как к авторскому, а не как к сакральному, в котором ничего нельзя менять.

В качестве примера нестандартного подхода к изучению исторического события профессор Стрелова привела урок по русско-турецкой войне 1877-1878 годов. Если честно, у меня в голове со школьных времён отрывочные факты трёх войн с Турцией в XIX веке абсолютно перепутались и особого интереса не вызывают.

— А мы посмотрели на эту войну с позиции постистории, — рассказывает Ольга Юрьевна. — После войны часть пленных турок оказалась на территории Центральной России. Некоторые дети, как правило дворян или образованных мещан, из любопытства пробирались в лагеря военнопленных, позднее их воспоминания вошли в сборник «Пленные турки глазами русских детей». В этой книге есть и воспоминания сына Льва ТОЛСТОГО. Именно отсюда мы попробовали «раскопать» русско-турецкую войну, попытались понять, какое влияние войны оказывают на общество.

Мы работаем с детьми, и им интересно, что было с их сверстниками. У нас же история абсолютно не женская и не детская! Наши дети изучают историю, в которой не было детей! А может быть интерес детей к истории родится именно отсюда? Им проще понять не взрослых «дядек» из других миров, а ребёнка, такого же, как он.

«История — это исключительно процесс очеловечивания человечества» (Людвиг ФЕЙЕРБАХ)

С детства интересуюсь историей, я сегодня гляжу в школьные учебники и понимаю, насколько они бедны

содержанием и скучны в изложении. Как мне помочь сыну-пятикласснику узнать и полюбить историю, как объяснить те или иные события прошлого, если в его учебнике они даны одной не самой верной строкой? Тем более сейчас, когда чиновники от образования стремятся к унифицированному «единственно верному» пониманию истории...

Есть и ещё одна проблема: с давних времён школьный курс — это почти исключительно история европейской части России. Для школьника, живущего в Сибири, это где-то очень далеко.

— Да, в наших учебниках Сибирь и Дальний Восток занимают один параграф, учебники у нас — что мировой истории, что российской — евроцентристские, — соглашается профессор Стрелова. — Китайцы, наверное, были бы в шоке от того, сколь скромное место история их великого государства занимает в наших учебниках... В России восток — это всегда периферия.

— Что же тогда давать школьникам в рамках регионального компонента и на базе чего давать?

— Есть испытанные способы преподнесения отечественной истории преимущественно как истории политической, и истории региональной как повседневной, личностной. В таких регионах, как Сибирь и Дальний Восток, есть смысл интегрировать региональную историю не только с общероссийской, но и с историей сопредельных территорий. Хабаровский и Приморский края присоединились к России только во второй половине XIX века. А что, до этого истории там не было?

— Сейчас любое изучение региональной истории не через призму Москвы и Петербурга, любая попытка этнокультурного, экономического осмысления региона как самоценной единицы рассматривается наиболее ретивыми «охранителями» едва ли не как сепаратизм, — напоминаю я Ольге Юрьевне лекции СМИ по поводу ряда университетских лекционных курсов и семинаров в Новосибирске и Иркутске.

— Так повернуло время... В начале 90-х годов прошлого века различные зарубежные организации, которые занимались вопросами исторического образования, контактировали с представителями российского образования, были очень интересные совместные работы. Но когда я рассказывала об одном таком проекте с Европейской ассоциацией учителей истории (о совместном изучении истории регионов и зарубежных сопредельных территорий), многие педагоги в ужасе восклицали: «Как?! Это же отсюда, это они хотят нам навязать...». Я отвечала, что нам ничего не навязывают, а предлагают познакомиться с их образованием, их учебниками, которые совершенно не похожи на наши. Их учебники меньше по объёму... «Ага! Значит, они ничего не знают! У них всё слишком просто!». Нет, просто их учебник — рабочая книга во всех смыслах. Там не разжёванные скучные тексты, а различные проблемные вопросы и ссылки на источники, где надо искать ответы. С таким учебником учитель не может прийти в класс и сказать: «Откройте учебник, читайте, потом будете пересказывать». Там живая творческая исследовательская работа, в результате которой у ребёнка рождается собственное мнение, аргументированный ответ.

Комплексный результат исторического образования, он не предметный — что ученик знает о хронологии, картографии... — а что он на основе своего исторического знания умеет с этим знанием делать. Главная цель образования — помочь ученику понять, кто есть он, кто есть другие, что есть этот мир, что я в нём значу и могу сделать.

Завершая наш разговор, профессор Стрелова призналась, что уже после окончания заседаний Сибирского исторического форума, после своего мастер-класса она совершенно неожиданно увидела на экране плазмы в фойе Библиотеки СФУ видеоролик, который можно считать квинтэссенцией того, что она старалась донести до коллег, учителей истории.

— На экране появился вопрос: «Что такое Сибирь?». И через мгновение: «Что такое Сибирь для тебя?».

Первый вопрос — это абсолютно предметный уровень. К нему можно добавить немного метапредметности: «Покажи на карте. Сравни разные источники и характеристики»...

И совершенно другая работа идёт в голове, когда отвечаешь на вопрос: «Что такое Сибирь ДЛЯ ТЕБЯ?». То же и с историей...

Индивидуалисты проигрывают

Быть яркой индивидуальностью и не уметь работать в команде сегодня не только не современно, но опасно. Индивидуалисты могут выигрывать сражение за сражением, но битву за своё профессиональное будущее, будущее компании, в которой работают, страну они проиграют, — считает кандидат физико-математических наук, доцент кафедры общей педагогики Сибирского федерального университета Андрей Викторович БУТЕНКО. Кто будет в этом виноват? Не в последнюю очередь — система образования.

— Что такое сегодня образование в России?

— Вопрос крайне сложный. Фактически современную эпоху нужно отсчитывать с 60-х годов прошлого века, когда произошёл качественный скачок в темпах накопления знаний и получения новых концепций и картин мира, — всем знакомая научно-техническая революция. При всей ангажированности термина в нём точно отражается взрывообразный рост количества идей, концепций, технических устройств, которые резко меняют форматы и образ жизни, влияют на мироощущение человека. Более того, для части людей эти изменения становятся страшными и неприемлемыми. И эта эпоха сейчас только устанавливается, настолько крупные изменения осваиваются человечеством на масштабах 100–200 лет.

На это налагается вторая особенность: когда НТР фиксировали как социально-экономический феномен, то рассматривали страны Западной Европы, США, Японию и СССР со странами СЭВ. Но с тех пор гекономическая реальность изменилась. Сегодня лидерами становятся азиатские страны.

И в разговоре о российском образовании нужно рассматривать два рисунка: один — планетарного масштаба, где продолжается экспоненциальный рост количества знаний, концепций, точек зрения. А второй — гекономическая реальность, приведшая к тому, что наша страна изменила положение в мировом разделении труда.

— Однако образование в 60-х и сегодня — это совершенно разные явления.

— Конечно, и даже сравнивать их некорректно. Здесь мы сталкиваемся с необходимостью обсуждения определённых социально-культурных идеалов.

В 60-е в образовательной практике существовали идеалы, связанные с прогрессом, с тем, что развитие разума — это магистральное направление развития человечества. Именно на пике этой точки зрения были развёрнуты сети физико-математических школ, летних образовательных школ, интенсивных семинаров как форм работы в образовании.

В то же время существовал другой сегмент, где работали учителя, которые в основу брали идеи дисциплины, соответствия норме, сохранения социально-экономического уклада. И они делали ставку на аккуратность, послушность. Таким образом в советской системе сосуществовали разные варианты образовательных практик: с одной стороны, развивающего

обучения (на основе идей теоретического мышления В.В. ДАВЫДОВА) и коммунарских практик, которые были построены на идеях коллективности А. МАКАРЕНКО, с другой стороны — методики жёсткой дисциплинарной школы.

Сегодня же у значительной части школьников и родителей основной идеал — потребление. И в рамках этого идеала образование выполняет функционально-сервисную роль, поэтому с их точки зрения нет смысла делать ставку на какое-то развитие.

— То есть вы считаете, что современное образование не должно брать на себя функцию ценностно-воспитания?

— Сегодня в образовании ситуация неопределённости. В силу социальной неоднородности современного общества мало кто берёт на себя ответственность формулировать ценностные ориентиры для всего общества. Если они и звучат, то на таком обобщенном уровне, который невозможно перевести в педагогическую практику: будь толерантен и инициативен (но не слишком, чтобы не задевать другого), уважай чужое мнение...

С другой стороны, реальная политика государств, образовавшихся после распада СССР, зачастую направлена против этих ценностей. Так, в Прибалтике есть класс людей, имеющих статус неграждан. Где же здесь толерантность, равенство прав и возможностей? Такое противоречие между декларируемыми ценностями и реальной жизнью небезобидно.

— Вы имеете в виду, что нельзя сформулировать ценности для педагогической практики, пока они не сформулированы в обществе?

— Образование сегодня стоит перед двойным вызовом: нужно ответить, каким оно должно быть, ориентируясь на свой внутристрановой контекст, но принимая во внимание и внешний контекст. Потому что заметная часть людей, получающих образование в России, уезжает за границу, а оттуда приезжают люди, получившие образование у себя на родине. Сегодня это довольно заметные цифры — миллионы людей. И эта проблема соотношения — вызов, с которым образование раньше не имело дела.

Если её не решать, возникнут проблемы в социально-экономической ситуации. В той же Украине в течение последних двадцати лет активно продвигалась идея о том, что «москаль» — враг. И это — ответственность образования, сформировавшего поколение, которое смотрит на граждан России как на врагов.

Другой пример: сегодня значительная часть иностранных инвестиций в Китай приходит от эмигрантов либо их потомков. Они давно покинули родину, но считают необходимым делать всё, чтобы она развивалась. И такое отношение — в значительной

степени результат деятельности их системы образования.

То есть снова два аспекта в подходах к образованию: государственный и с точки зрения человека, которому важно понимать, какое у него должно быть образование, чтобы эффективно встроиться в те компании или производства, которые позволят лучше реализовать себя. Как это совместить в рамках одной образовательной системы? Никто толком не знает.

В Китае, где государство играет доминирующую роль, но частный сектор тоже достаточно силён, образование выстраивается под экономическую систему, продвигающую Pax China — китайский мир. У нас фактически воплощается другой идеал: каждый человек сам отвечает за свою судьбу.

— Разве персональная ответственность — это плохо?

— Я бы скорее назвал этот идеал — конкурентно-индивидуалистическим. Это «пусть неудачник плачет», «ничего личного, просто бизнес», «всё решает рынок». В радикальной форме в публичном пространстве эту идеологию выражают ЧУБАЙС и КОХ. Сама по себе идеология хороша, но лишь для сильных людей. Тех же, у кого нет столь серьёзных социальных, интеллектуальных преимуществ, она выталкивает на обочину.

Сторонники этого идеала отвечают в образовании за продвижение тех способностей и качеств, которые позволяют человеку лучше конкурировать. Но есть сферы, где конкуренция — осложняющий фактор. Там, где важна кооперация, индивидуальное «геройство» часто приводит к разрушениям. Если рассмотреть наши реформы в образовании, на мой взгляд, они направлены в большей степени на сторону реализации как раз этого индивидуалистического идеала.

— Так может, и не нужна способность к командной работе в наше время? Где она востребована?

— Везде, где необходима серьёзная интеллектуальная работа, результат которой складывается из результатов работы многих профессионалов. Там важно уметь взаимодействовать высказанными другим человеком идеи, предложения. А человек с конкурентной установкой будет искать способ добиться маленького, но собственного успеха.

Недавно агентство «Эксперт-РА» провело интересное исследование мнений работодателей относительно того, каких компетенций не хватает выпускникам. Все отметили, что они слабы в групповой работе и не имеют ясных представлений, как работать в организации.

В понимании коллектива молодые люди часто используют метафору семьи, где есть взаимопрощение и прочие эмоциональные составляющие, либо метафору дворовой компании, в которой есть вождь, а механизмы взаимодействия — потолкаться, выделиться и т.д. А понимания, что есть деловые отношения, необходимость в сложной организации деятельности противопоставить кому-то не лично, а точкой зрения, попытаться сформулировать суждение, опираясь на сильные аргументы другого чело-

века, — этого вообще нет. Исчезло понимание организационной культуры сложной работы.

— Раньше оно было?

— Да. В одном из октябрьских номеров прошлого года «Русский репортёр» провёл любопытное исследование эволюции ценностей на постсоветском пространстве в сопоставлении с рядом европейских стран. Основной тезис: российское общество по результатам почти двадцатилетних исследований продолжает достаточно быстро смещаться в сторону всё большей индивидуализации (expert.ru/russian-reporter/2014/41/bratya-ilichuzhaki). В то же время 41% населения Германии имеет сильно выраженную установку на кооперацию, и сохраняется тенденция к дальнейшему росту этой цифры. То есть немцы дрейфуют в сторону социальной солидарности и открытости к изменениям, а мы — к индивидуализму. При этом Германия является мировым лидером по выпуску сложной промышленной продукции. И там главные требования к работнику — уметь встраиваться в команду профессионалов, знать свои сильные и слабые стороны.

Наше образование продолжает подчёркивать ультралиберальный акцент на конкурентности, индивидуальности. Это уже несовременно, но люди, которые сегодня у власти, по-прежнему продавливают реформы, которые способствуют воспитанию именно индивидуалистов.

В упомянутом исследовании от агентства «Эксперт-РА» все работодатели отметили, что по предметным знаниям у них к выпускникам нет претензий. Но для сложных производств или интеллектуальноёмких видов бизнеса направленность образования на индивидуальность в ущерб командности неприемлема.

— Зато из индивидуалистов, наверное, могут получиться хорошие топ-менеджеры?

— Самое смешное, что и современный менеджер — командный игрок. Это одна из ключевых характеристик, по которой оценивают его перспективность в крупных европейских компаниях. Если человек не способен сотрудничать, на нём в профессиональном смысле ставится чёрная метка, в дальнейшем его задействуют только на небольших автономных участках производства, вне общей сложной работы, с совсем другим карьерным потенциалом.

Ваш вопрос по постановке — типичный для ультралибералов, считающих, что человек — демиург, вершитель. Именно так ведёт себя Анатолий Чубайс, игнорирующий советы специалистов и предпочитающий всё решать сам. И к чему это приводит? Сегодня в электроэнергетике фактически происходит откат от выстроенных им позиций, поскольку они оказались нереалистичными, его оптимистичные прогнозы о результатах реформ не оправдались. Почему я на этом останавливаюсь? Потому что один из существенных конфликтов и пример незрелости общественного сознания в том и состоит, что ни правящий класс, ни заметное количество людей не понимают, насколько сегодня критически важно уметь солидаризироваться и кооперироваться.

Индивидуализм может привести к локальному выигрышу для человека, но на следующем шаге глобальный проигрыш нивелирует прошлый успех. Примеры этому — массовые переводы доходов от бизнеса собственниками в офшоры. У людей, работающих на крупный бизнес, посте-

пенно возникает к нему отчуждение. И какие-то идеи по его улучшению они даже не будут пытаться формулировать. Но отечественные собственники этого не понимают. В отличие от бизнесменов в той же Германии, которые делают всё, чтобы работники почувствовали себя соучастниками процессов принятия решений, получили долю доходов компании и т.д.

Кто это понимание закладывает? Образовательная система. У нас же выделен целый сегмент школ, воспитывающих исключительно конкурентных индивидуалистов.

— **Что это за школы?**

— Элитные, с большим родительским взносом, где основной упор делается на наращивание индивидуальных возможностей, обеспечение безопасности и комфорта.

— **Но ведь таких — лишь небольшой процент от общего количества образовательных учреждений?**

— Конечно, но общее образование тоже расщепляется: есть школы, пытающиеся реализовать хорошее предметное образование, ориентируясь на олимпийские движения и прочее, а социально-культурные навыки там не развиваются совсем.

— **Почему?**

— Нет социальных практик, из которых можно было бы взять эти навыки в образовательную систему как идеал. Но всё небезнадёжно, идеал постепенно складывается. Например, в Новосибирске, где высокая концентрация интеллектуальноёмких компаний, эти идеалы востребованы и уже как-то просвечивают. В Красноярске же таких компаний очень мало.

— **И снова — почему?**

— Красноярск, к сожалению, оказался центром сырьевой провинции. И губернаторы, приехавшие к власти в крае, не проявляли должного упорства и старания в формировании интеллектуальноёмкого высокотехнологического сектора производства. Даже энергичный и талантливый управленец А. ХЛОПОНИН фокусировал деятельность на инициативах в области добычи и иногда первичной переработки.

В Новосибирске же губернаторы всегда делали упор на поддержку высокотехнологических производств. И в результате новосибирский сегмент предметного образования имеет неплохие шансы вырасти в систему, которая сможет давать ещё и целый ряд компетенций, помогающих молодым людям встраиваться в высокотехнологические бизнесы.

— **В Интернете всё больше видео уличных опросов, в которых прохожие демонстрируют отсутствие элементарных базовых знаний. Если у нас всё хорошо с предметным образованием, откуда берутся эти люди?**

— Такие опросы любопытны и забавны, но там обычно рассматриваются вопросы научно-популярной тематики, связанной не с общим образованием, а скорее с государственной политикой в средствах массовой информации и дополнительным образованием. В советское время издавалось гигантское количество научно-популярной литературы, позволявшей людям поддерживать довольно высокий общий уровень знаний. Сегодня же вместо этого транслируется реклама и развлекательные программы.

Вот ещё почему сложно сравнивать советское образование и современное: заметная часть усилий в рамках становления человека в советской школе решалась не средствами образования, а теми же СМИ

и другими информационными каналами. Например, в моём становлении как человека образованного школа не играла доминирующую роль. Больше влияние оказали научно-популярные журналы, заочное обучение в физико-математической школе, участие в выездных летних школах.

Обсуждать образовательную систему достаточно сложно ещё и потому, что наряду с образованием нужно обсудить и экономический контекст, который тоже выступает мотивирующим фактором. Например, в советское время опросы показывали, что большинство младших школьников хотели стать космонавтами. В 90-х годах XX века — сенсационные тогда данные! — до трети учеников начальной школы хотели стать киллерами и проститутками. Это известные факты и далеко не безобидные, ведь это показатель, на чём человек фокусируется, на чём сосредотачивается; идеалы играют важную роль в его становлении.

— **А современные школьники чего хотят?**

— Очень популярны чиновники, на втором месте — менеджеры. Причём ещё несколько лет назад менеджеры лидировали.

Вообще же высококачественное образование сегодня востребовано в двух сферах: исследования и высокотехнологичные производства, интеллектуальные виды бизнеса. Но при этом в России доминирующее положение занимают сырьевой бизнес и

связанные с качеством и продлением человеческой жизни, где тоже нужны будут образованные люди.

Революция в сфере биотехнологий, кстати, уже происходит. Ещё пять лет назад женщины тратили массу усилий в борьбе с увяданием кожи лица. Сейчас инъекции гиалуроновой кислоты легко справляются с этой проблемой, причём это не дорогостоящее эксклюзивное лечение, а распространённый и общедоступный метод. Или то, что делают в Краснодаре: благодаря меггранту Правительства Российской Федерации там работает группа учёных в области регенеративной медицины под руководством профессора Паоло МАККИ-АРИНИ над выращиванием гортани. В 2012 г. они уже успешно трансплантировали пациентке искусственную трахею. Во всём мире такие операции сегодня умеют делать только в России. Пока — лишь в Краснодаре, возможно, через пять-семь лет — и в Красноярске, и в Новосибирске. Или компьютерная томография: чтобы работать с подобными приборами, нужно обладать определёнными компетенциями, симпатичного человека с улицы за него не поставишь. Значит, востребованность образования возрастёт.

— **Но подходы к нему меняются. Ещё лет 20-30 лет назад человек получал высшее образование и в течение всей жизни развивался в однажды избранной сфере. Сегодня обычное дело — иметь два-три**

стандарты бухучета, и ему нужно пройти такой узкоспециализированный курс. То есть выявляется потребность и под неё оформляется образовательный модуль.

Сегодня такая образовательная конструкция доминирует, и высшее образование приобрело статус стартового.

— **Раз знания нужны только базовые, да и те быстро устаревают, то массовый переход от специалитета к бакалавриату оправдан?**

— Да. Сопrotивление идёт лишь со стороны тех специальностей, у которых стартовый объём компетенций настолько велик, что изучение лишь какой-то их части лишает смысла такое образование. Медики, например.

— **С другой стороны, среди сегодняшних работодателей не так много способных оценить уровень образования сотрудника. Что тогда должно мотивировать студента?**

— Мотивация часто обусловлена идеалистическими факторами: человек чувствует себя частью прогресса, и это побуждает его учиться. Другой тип связан с материально-социальными факторами: зарплата, премия, статус, профессиональное признание.

Но здесь другой вопрос: кто это будет материально поддерживать? Зависит от идеала ведения бизнеса, который сформирован у управленца. Если это нечто систематическое и нормативное, образование не очень и нужно. Если же он заинтересован в совершенствовании бизнес-процессов и производстве, постоянном развитии, тогда образование — обязательная составляющая. Первых пока заметно больше.

И конечно, в конкурентных на мировом уровне и высокоинтеллектуальных производствах (как строительство самолётов, например) уровень вашего образования — весомый фактор при устройстве на работу.

Всё-таки трудно говорить об образовании в целом, его реальность сегодня многоаспектна, и попытки говорить о нём упрощённо, как делают некоторые политики, некорректны.

— **Что вы имеете в виду?**

— Заявления о том, что нынешнее образование — «никакое в сравнении с советским». Тогда как советское образование было всего лишь более однородным в силу большей социальной однородности общества и ясности декларируемой тогда идеологией. Сегодня же и идеологией больше, и возможностей. А поскольку образование — социальный институт, оно тоже дробится, фрагментируется.

— **Сегодня достаточно редко встречается восприятие процесса получения знаний как удовольствия. Почему?**

— Раньше во всех СМИ тиражировались позитивные образы людей, открывающих что-то новое — учёных, исследователей, конструкторов и т.д. А образ гедониста подавался как заслуживающий порицания и жалости. Сегодня же активно продвигается именно образ гедониста, такого кайфолова, общественный идеал — простая растительная жизнь с получением разнообразных удовольствий (яркий образ такого стиля жизни задан в «Дом-2»). И этот общественный идеал поглощает ту энергию и силу, которая раньше у большинства уходила на процесс получения знаний. Поэтому часть современных студентов даже не подозревают о таком явлении.

Александра КАЗАНЦЕВА

сфера услуг, наименее требовательные к уровню и качеству результатов.

— **То есть качественное образование сегодня не так и нужно?**

— Это ни в коем случае не похороны образования, а дифференциация. У нас идут разработки в области биотехнологий, появляются новые информационно-коммуникационные услуги и возможности, всё это приводит к появлению новых форм работы и даже профессий. В этом смысле сектор, где востребовано образование, может очень быстро расширяться. То есть сложившаяся на сегодня картина может измениться в любой момент. А вот в каком направлении — зависит и от нашего правительства, и во многом от того, как самоопределяется критическая масса предпринимателей и управленцев.

Если они определяются по отношению к России как к месту, где возможно развернуть высокотехнологичные бизнесы и производства, то появится социальный заказ и возможность развития системы образования. Если же нет... В любом случае произойдёт биотехнологическая революция и появятся новые производства,

высших образования. С чем это связано?

— Всё с той же НТР. При взрывообразном росте идей и концепций нужно помнить, что весь освоенный тобой профессиональный инструментарий безнадежно устареет за какие-то 8-10 лет. А это означает, что институт высшего образования должен измениться.

Поэтому появились так называемые корпоративные университеты, которые фокусируются на передаче тех образовательных компетенций, формировании таких образовательных результатов, которые позволяют компании оставаться в лидерах бизнеса, выигрывать. Другой подход — когда человек, чтобы оставаться востребованным в профессиональной сфере, самостоятельно обнаруживает какой-то свой образовательный дефицит и восполняет его.

Появилась куча дополнительных профессиональных курсов, которые работают исключительно по потребностям, преобладающим на рынке труда. Классический пример — бухгалтер, которому кроме базовых знаний понадобились международные

Свои университеты

Мир вокруг нас стремительно меняется, а вместе с ним меняемся и мы. Бесповоротно прошли времена, когда можно было из года в год эксплуатировать единожды полученные знания, уверенно глядя в безмятежное будущее. Но мы не впали в отчаяние, а на новом уровне ещё более эффективно стали применять своё уникальное природное качество, позволившее человечеству когда-то расселиться по всей планете и процветать, несмотря на смену климатических эпох и на прочие, зачастую им же самим созданные проблемы.

Это качество — способность к обучению. В той или иной степени им обладают все без исключения. По мере необходимости эту способность использует абсолютное большинство. Но наилучших результатов достигают лишь те, кому познание и освоение нового приносит радость, для кого сам процесс обучения — обязательное условие нормальной, полноценной жизни. И для этого совсем не надо быть учёными, стоящими на передовой науки, или, будучи представителями так называемых свободных профессий, вращаться в окружённых обывательской завистью творческих сферах.

Для пытливого ума других сфер просто не существует.

Доказательством тому служат вполне преуспевающие и довольные своей жизнью люди, обладающие разным уровнем образования, разными знаниями и навыками, имеющие совершенно разные и в то же время вполне обычные специальности. Но всех их объединяет исключительно позитивное отношение к необходимости постоянно учиться. Необходимость эта для них совершенно естественна, а потому не вызывает ни досады, ни раздражения. Напротив, без неё они себя просто не мыслят. Именно в этом залог их успеха.

Справедливости ради надо признать, что если среди великого множества специальностей обучение только приветствуется, то в отдельных областях оно является обязательным требованием. И требование это исполняется неукоснительно. Есть специальности, где учиться приходится до самой пенсии. И при этом учиться не формально, а прилагая максимум усилий, стараний и неподдельного интереса. Как говорится, вкладывая душу. Ведь формальный подход в их случае совершенно исключается профессиональной этикой, да и общепринятыми нормами морали тоже.

«Тот, кто связал свою жизнь с медициной, будет учиться всегда» — Михаил ИЛЬИН, главный врач стоматологической клиники «МИО-DENT»

— Получив диплом, врач продолжает учиться всю жизнь. Каждые пять лет идёт сертификация, защита категорий. А для этого помимо всего прочего необходимы публикации. За пять лет надо написать как минимум две статьи и разместить их в специализированных изданиях. Понятно, что это предполагает достаточно глубокое изучение вопроса, которому эти статьи посвящены.

К тому же сертификация нужна на каждую новую разработку, на новое оборудование, к которому изготовителем обычно предлагается обучение. И обучение должен пройти не только врач, но и медицинские сёстры, и техники. Для получения необходимых знаний и навыков специально выделяются сертификационные дни и часы. Так что каждый, кто решил связать свою жизнь с медициной, заранее знает, что будет учиться всегда.

Так было и раньше, но сейчас это особенно актуально. Например, в стоматологии относительно недавно что-то новое появлялось раз в пять лет, а сегодня — каждый год. А потому постоянно читаешь специальную литературу, ездишь на какие-то научно-практические мероприятия, общаешься с коллегами, сидишь в Интернете на всех этих форумах, где и свою проблему можешь выставить, и сам что-то подсказать. Всё это бывает очень полезно. Так что работа у врача всегда с собой. Ему всегда есть над чем поразмышлять и всегда есть повод подумать.

При этом речь идёт не только о каких-то узких специальных знаниях и навыках. Ведь я работаю не с зубами. Я работаю с человеком, с его проблемами. А потому мало в совершенстве владеть всеми необходимыми в стоматологии манипуляциями. Надо знать и физиологию, и психологию, и ещё много чего. Знания эти, как и специальные, должны постоянно пополняться. И я рад, что это именно так.

Нет никаких сомнений, что высказанная Михаилом Викторовичем радость найдёт самый горячий отклик в сердце каждого из нас как потенциального пациента. Но держать руку «на пульсе» вынуждены не только доктора. Мы живём во времена глобальной экономической нестабильности, которая в нашей стране вот уже скоро тридцать лет как осложнена прямо-таки революционными потрясениями — ни много ни мало, а сменой экономической формации. А потому не удивительно, что сегодняшняя деловая жизнь так под-

вержена бесконечным атакам всевозможных изменений. Неизменным остаётся только одно: государство всегда будет собирать налоги, а граждане всегда будут стараться их минимизировать. А значит, те, кого это и с той, и с другой стороны напрямую касается, должны быть готовы к любому повороту событий.

«Постоянная аналитическая работа не даёт мозгам заржаветь» — Людмила ИВАНОВА, руководитель отдела аудита и отчётности Центра налогового планирования «Афина»

— Той старой закостенелой системы, которая давала бухгалтеру уверенность, что он знает всё «от» и «до», больше нет. Конечно, даже в ней время от времени происходили какие-то изменения. Но они были так редки, что буквально выбивали бухгалтеров из колеи. Теперь же мы постоянно живём как на пороховой бочке. Но зато и выбить из колеи нас практически невозможно. Тем более что каждый год надо подтверждать аттестацию, проходя обучение в институте профессиональных бухгалтеров и аудиторов.

Конечно, эта постоянная необходимость адаптироваться к новым условиям отнимает много времени и сил. Но так как с этим ничего поделать нельзя, остаётся приучить себя отслеживать изменения и быстро справляться с новым материалом. Нельзя быть застигнутым врасплох. Тем более что изменения, как правило, не происходят на ровном месте. Допустим, когда планировали вступить в ВТО, было понятно, что кому-то придётся осваивать международные стандарты отчётности. Так что при-

ходится следить за ситуацией. И надо сказать, что это очень интересно. И полезно. Постоянная аналитическая работа не даёт мозгам заржаветь.

Вообще, в нашем деле надо мыслить достаточно широко, а это требует освоения довольно большого объёма информации. Наш коллектив обслуживает самые разные предприятия и по видам деятельности, и по организационно-правовой форме. К нам обращаются и некоммерческие организации, физические лица. Так что юридические знания в отдельных ситуациях иногда очень помогают.

Вообще, пока человек работает, он просто обязан учиться. Думаю и потом это не лишнее.

Следуя этому тезису, Людмила Петровна недавно увлеклась изучением английского языка, столкнувшись с определёнными сложностями при освоении обязательных компьютерных программ. Хотя это был далеко не главный повод для принятия такого решения. Нельзя же ограничиваться получением знаний, полезных исключительно для работы. Тем более, когда любишь путешествовать. А вот для работы лет шесть-семь назад она заочно отучилась на юридическом факультете и получила диплом юриста, наконец-то осуществив свою школьную мечту.

При этом у неё нет ни малейших иллюзий насчёт юридической карьеры. Она прекрасно понимает, что получение диплома не делает человека юристом. Для этого надо накопить опыт, а значит, встать на нижнюю ступеньку и поработать какое-то время за минимальное вознаграждение. Но сделать это в середине пути довольно сложно — ведь придётся не только оторваться от того, что тебя кормит, но и от заслуженно занимаемого положения.

Хотя никто не может знать, что ждёт впереди. И будучи, как и все бухгалтеры, человеком расчётливым и прагматичным, Людмила Петровна убеждена, что на рынке труда даже незначительное конкурентное преимущество может сыграть решающую роль. А значит, усилия, направленные на постижение чего-то нового, всегда оправданы. И с этим мало кто возьмётся спорить.

Не станет с этим спорить и человек, который вопреки полученному образованию своё призвание нашёл в выполнении строительных и отделочных работ. Свои конкурентные преимущества он кропотливо набирал изо дня в день, вникая во все мелочи выбранного им дела и пропускающая их через свои руки и голову.

«Когда я вижу, как человек делает то, чего я делать не умею, обязательно стараюсь вникнуть» — Демьян КОРОБКИН, руководитель строительно-отделочных бригад

— Строительство и ремонт — это очень интересно. Каждый объект даёт тебе что-то новое. Прибавляет знаний, умений и уверенности в себе. Например, первое время меня немного пугала та разруха, которая неизбежна на объекте в начале работ. Действовал исходя из установки «глаза боятся, а руки делают». Но сегодня и глаза не боются. В любой разрухе я с самого начала чётко вижу ту картинку, к которой в итоге приду. И в самых мелких деталях знаю, как и через что к ней приду.

Конечно, опыт уже накоплен большой. Но учиться приходится постоянно. Если появляется что-то новое — сразу стараюсь всё прочитать, всё изучить. Стараюсь овладеть всей доступной информацией. В Интернете

сейчас всё что угодно можно найти. Со своей командой (а со мной и мои братья работают) мы самостоятельно выполняем практически все виды работ. Конечно, приходится людей и со стороны приглашать. Допустим, в проекте дизайнер обозначил какие-нибудь особо хитрые декоративные штучки или ещё что-то. Но в любом случае при малейшей возможности стараюсь воспользоваться случаем и поучиться.

Вообще, когда я вижу, как человек делает то, чего я никогда не делал и делать не умею, то обязательно стараюсь вникнуть. Даже когда приходит электрик и начинает копаться в своих проводах, тоже пытаюсь разобраться. На всякий случай. Мало ли что? Да и просто интересно. Вот недавно в новой сантехнике разбирался. Сейчас же модно всё встроенное, всё на пневматике. Целую кучу бумаг пришлось перелопатить. Думал уже пригласить кого-нибудь. Но разобрался. Оказалось — проще простого.

К сказанному Демьяном Александровичем остаётся добавить, что «проще простого» — это для тех, кто привык делать над собой усилия, привык осваивать новое и, что не менее важно, привык получать от этого удовольствие. Надо сказать, что здесь ему очень помогли упорство и целеустремлённость, приобретённые в детстве, когда он серьёзно занимался борьбой и хоккеем. После школы даже окончил физкультурный техникум. Но наследственность взяла своё: и отец, и дед у него строители.

Выбор профессии произошёл случайно, хотя и вполне предсказуемо. Однажды он наблюдал, как в квартире матери ставят окна и не удержался — взялся помогать. Полученные от отца ещё в детстве навыки работы с инструментом произвели должное впечатление. Времена были непростые, работой раскидываться не приходилось, да к тому же в семье только что появился ребёнок, а потому предложение «поработать вместе» было принято без лишних уговоров.

После нескольких лет целенаправленного освоения всех видов отделочных и прочих используемых при ремонте и строительстве работ, посчастливилось больше года потрудиться над зданием SPA-центра «Бархатный сезон». И это стало хорошей школой — своеобразным университетом для получения второго образования. Ведь на подобных объектах используются лучшие, дорогостоящие материалы, создаются пространства, насыщенные самым разнообразным, достаточно сложным и дорогим обо-

При этом эстетические качества интерьера, а значит, и качество отделочных работ, должны быть безукоризненны. К тому же это был опыт работы с дизайнером, который, находясь в Москве, следил за реализацией проекта, общаясь по телефону. А потому, по признанию Демьяна Александровича, мозги ему тогда пришлось включать по полной.

Так в процессе работы и шло обучение — приобретались знания и навыки, позволившие сегодня бывшему тренеру успешно применять самые современные отделочные материалы при воплощении в жизнь самых смелых дизайнерских идей.

Очевидно, что на приобретение знаний и специальных навыков в разных областях деятельности уходит разное время. Так было и так будет. Но сегодня свою профессиональную жизнь начинает новое, не виданное ранее поколение. Оно пришло в этот мир уже в эпоху Интернета. И у него уже другие скорости работы с информацией, другие навыки в обучении, другие запросы к профессиональной деятельности, другие ожидания. А в дополнение к этому — культ личной свободы, непоколебимая вера в свои безграничные возможности и готовность изменить в своей жизни всё и сразу.

«Не люблю спокойную жизнь. Застой — это ужасно» — Алёна РОГОВЕНКО, фитнес-инструктор фитнес-центра «XL»

— Шесть лет училась на инженера. И мне это очень нравилось. С утра до ночи могла сидеть и чертить. Но сразу по специальности устроиться не получилось — работу искала целых полгода. Так как в прошлом занималась триатлоном, решила временно пойти в фитнес. Ну не сидеть же без дела! Прошла базовое обучение и обнаружила, что это очень интересно — в фитнесе уйма всевозможных направлений. Обучаться там можно без конца и края. А это как раз по мне.

Знать надо довольно много — и анатомию, и биомеханику. Требуется понимать, как работает тело. Можно сколько угодно размахивать руками и ногами, но результат будет нулевой. А люди приходят в фитнес-центр за результатом, а не только за приятными эмоциями. Ну и за здоровьем, конечно. А потому надо понимать, что при нагрузках происходит с организмом. Тем более что клиенты приходят разных возрастов.

В фитнесе надо повышать квалификацию раз в год. Но я учусь каждые полгода. Просто хочется узнать как можно больше. Одни и те же тренировки и людям, и мне самой быстро надоедают. Застой — это ужасно. Учёбу оплачиваю сама. Хотя инструкторам с большим опытом её обычно оплачивают центры. Но пока ты сам в себя не вложишь, никто в тебя деньги вкладывать не будет. Считаю, что это правильно.

Признаюсь, я не люблю спокойную жизнь. Нет, поначалу-то всё вроде хорошо. А потом рутинно просто душит. Так что после окончания университе-

Фото Е. ШЕРБАКОВОЙ

Совершенствоваться можно не только в профессии. «Другим» образованием может стать реализация мечты всей жизни — например, научиться рисовать

та погуляла без учёбы только один год. И мне этого покоя хватило. Два года назад пошла на юридический факультет. А почему нет? Время свободное у меня ещё есть. Почему бы его не употребить для пользы дела?

Я совершенно не могу сидеть на месте. Не исключая, что ещё чему-нибудь начну учиться. Я не знаю, что будет завтра, что будет через десять лет. Но, думаю, по восемь часов на одном месте сидеть уже просто физически не смогу. Мне необходимо постоянно двигаться. Сейчас у меня свободный рабочий день. Я сама составляю график. Надо сказать, это очень большое преимущество. Без этого учиться было бы намного сложнее. Вообще, я давно поняла, что мне нравится самостоятельно управлять своим временем. Боюсь, уже не смогу от этого отказаться.

Это признание Алёны подтверждает, что самостоятельное управление рабочим временем сегодня стало если не обязательным, то весьма желательным условием, определяющим понятие «хорошая работа». Конечно, оно и прежде не было лишним. Вот только позволить его себе могли единицы, те, о которых у поэта сказано: «нас мало, избранных, счастливых праздных, пренебрегающих презренной пользой...».

Но сегодня не только художественные натуры, но и те, кто совершенно не готов пренебрегать презренной пользой, вполне могут себе позволить достаточно большую свободу в выборе где, когда и сколько им работать.

На рынке труда всё больше требуется интеллектуалов, обладающих способностью быстро решать сложнейшие задачи, а значит, и достаточной гибкостью мышления. Но к этой гибкости, как правило, прилагаются независимость суждений, нетерпимость к малейшему принуждению, да и вообще обострённая потребность личной свободы. Так что работодателям сегодня приходится выбирать. Самые дальновидные из них выбирают гибкость, лишая себя статуса некоего верховного существа, определяющего по минутам ход жизни своих работников.

Всё это стало возможным благодаря компьютерным технологиям, которые позволяют человеку в один момент отсылать результат своих творческих усилий в любую точку планеты, позволяют зримо присутствовать на всяких служебных заседаниях, где бы они ни проводились, виртуально переместившись в пространстве. Да и перемещение физическое давно стало вопросом всего лишь нескольких часов.

Так или иначе, но всё это неизбежно изменяет и сам труд, и наше представление о том, каким он должен быть. Однако, получая свободу в труде, мы всё больше зависим от необходимости постоянно учиться. Но это хорошая зависимость. Она не подавляет нашу природу, а напротив, позволяет ей проявить себя наилучшим образом.

Мы живём в удивительную эпоху. Века и даже тысячелетия потребовались людям, чтобы из работ превратиться в наёмных работников. Сегодня же у нас есть все шансы в фантастически короткий срок так же массово из работников обратиться в творцов. Заманчивая перспектива? Все, что требуется от нас для её реализации — уметь и хотеть учиться.

Галина ДМИТРИЕВА

Интеллектуальный вызов в каждом тексте

Современная жизнь — это непрерывная коммуникация. Интенсивность взаимодействия увеличивается с каждым днём, и всё большую роль в этом процессе играют люди, способные декодировать сообщения с одного языка на другой. Профессия таких людей — переводчик.

Для молодых переводчиков на базе Института филологии и языковой коммуникации СФУ был организован семинар, посвящённый переводу художественной прозы с немецкого языка. Главное, что удалось понять на семинаре: как и во многих других сферах деятельности, переводчику важно любить своё ремесло и постоянно совершенствоваться. Ведь язык — это подвижное, постоянно меняющееся средство коммуникации, и для передачи всей его полноты важно всегда следить за его развитием.

В течение пяти дней участникам семинара — тем, кто прошёл конкурсный отбор, представилась уникальная возможность улучшить технику художественного перевода под руководством Ирины Сергеевны АЛЕКСЕЕВОЙ, кандидата филологических наук, автора книг и учебников по теории перевода. Среди её переводов с немецкого такие романы, как «Блаженные времена, хрупкий мир» Роберта МЕНАССЕ, «Пирамида предков» Ильзы ТИЛЬШ, «Canto» Пауля НИЗОНА, «Закрыв глаза» Рут ШВАЙГЕРТ, «Михаэль. Книга для инфантильных мальчиков и девочек», «Дикость» и «Мы пёстрые бабочки, детка!» Эльфриды ЕЛИНЕК, эссе Вальтера БЕНЬЯМИНА, полное собрание писем В.А. МОВАРТА, новеллы Роберта МУЗИЛЯ, Густава МАЙРИНКА, Германа ГЕССЕ.

По словам участников, приехавших на семинар не только из Красноярска, но и из других городов Сибири, мало кто из них до мероприятия и встречи с Ириной Сергеевной всерьёз задумывался над бесконечным разнообразием выразительных языковых средств. Каждый, кто принимал участие в обучении, принёс свой перевод художественного текста, и для каждого опытным мастером была сделана правка. Например, внимательная к деталям Ирина Сергеевна отмечала, что для точности художественного образа лучше сказать: взгляд персонажа «скользил», а не «блуждал». Или что не нужно избегать контрастных слов, которые передадут жёсткость и прямоту характера героя.

Некоторые из присутствующих на семинаре признавались, что всегда считали художественный перевод чем-то недостижимым, чем-то, для чего всегда остаёшься слишком маленьким. Ирина Сергеевна соглашалась, что художественный перевод действительно сложен, но самое главное в нём — быть открытым новаторству, обращать внимание на детали и уважать произведение автора как чужую интеллектуальную собственность.

Получить анализ своего перевода от признанного профессионала, действительно было большой удачей. Перевод — как музыка, в которой важно подобрать нужные ноты. И маэстро Ирина с готовностью делилась профессиональными секретами. Так, читая собственные переводы и анализируя особенности немецких сказок эпохи Романтизма, она отмечала, что для выразительности таких текстов важна архаизация и фиксированный порядок слов. Зачитывая письма Моцарта, Ирина Сергеевна указывала на важность глубокого и детального знакомства с эпохой текста и личностью автора письма. По её словам, Моцарт был человеком играющим, поэтому в его текстах так много шарад и импровизации. А вот в работе над переводом писем Гёте, который был не только поэтом, но и государственным деятелем, Ирине Сергеевне пришлось изучать законодательство того времени и терминологию, используемую Гёте в его записках.

Подводя итог семинару, И.С. Алексеева отметила, что работа над каждым текстом включает в себя уникальный набор задач, который никогда не может быть типовым. По её словам, перевод — это бесконечное обогащение себя и родной культуры. Это увлекательное путешествие по дорогам чужих мыслей, которое учит читателя думать и размышлять. Наконец, перевод — это игра. Игра всем богатством и разнообразием языковых средств.

— Ирина Сергеевна, а есть ли особенности именно у художественного перевода?

— Традиционно художественный перевод всегда считался самым сложным. Он сложен тем, что это законы искусства, и здесь мы имеем дело с литературой, которая отклоняется от правил русского языка. Поэтому в переводной литературе много новаторства. Кроме того, художественная литература пишется писателями и поэтами, и каждый из них — индивидуальность, каждый пользуется языком по-своему.

— Как бы вы охарактеризовали плохой и хороший художественный перевод?

— Хороший передаёт и замысел автора, и атмосферу, которой автор наполнил текст. Кроме того, хороший перевод — это единая история. Это значит, что ты читаешь, и тебя влечёт дальше. Бывает, что переводчик поработал над текстом много, но всё рассыпается на отдельные кусочки, которые друг с другом не связаны.

Плохих переводов много. Например, буквальный перевод, где всё передано слово в слово. Плохой перевод — это когда очень много «от себя». Человек не понимает, что он затрагивает чужой мир и чужую интеллектуальную собственность.

— Вы можете оценить динамику качества перевода в России?

— Сейчас наше море чтения превратилось в океан, и существует необозримый диапазон книг. Демократичность чтения увеличилась во много раз. Был дикий период в конце 1980-х — первой половине 1990-х годов, когда появилось очень много плохих переводов. Кроме того, тогда рухнула система редактур, они просто исчезли.

Сейчас всё структурировалось, переводчиков рейтингуют. Хороших переводов стало больше. В частности потому, что есть культурные институты. Например, Гёте-Институт, который устроил этот семинар и планомерно пытается распространить просвещение в области хорошего перевода.

комментарий

Людмила Викторовна КУЛИКОВА, директор Института филологии и языковой коммуникации СФУ

— Мы очень рады, что уже во второй раз в Красноярске на базе Института филологии и языковой коммуникации СФУ состоялся семинар для молодых переводчиков художественной прозы с немецкого языка. Этот семинар не только предоставил возможность начинающим переводчикам из Красноярска и других городов Сибири познакомиться с именитыми мастерами художественного перевода и получить экспертную оценку своих работ, но и позволил им поверить в свои силы и способности, ощутить себя членом большого переводческого сообщества».

— Любой текст предполагает субъективизм. Может ли перевод объективно отразить замысел автора?

— Надо договориться о том, что оригинал и перевод несколько отличаются. Оригиналы всегда один, а переводов может и должно быть много. И получается, что есть нетленное произведение, которое перевели Иванов, Петров, Сидоров и другие люди. И каждый раз субъективная трактовка приближает к бессмертному оригиналу. Поэтому чтобы понять художественное произведение, должно быть много переводов, а не один. И если вы хотите узнать и понять книгу как произведение искусства, а не получить некую версию или трактовку, то нужно прочитать несколько переводов.

— Есть ли что-то такое, что вы никогда переводить не будете?

— Есть, конечно. Экстремистская и фашистская литература. В художественной литературе я не хотела переводить Эльфриду Елинек в своё время, когда передо мной поставили задачу перевести её роман «Пианистка». Я тогда сказала, что не хочу, чтобы такая литература была в России. Тогда её перевели другие. А потом я перевела четыре крупных романа Елинек. Сейчас об этом авторе у меня другое мнение. Вообще, у переводчиков есть сферы, в которых они отказываются работать.

— Как влияет специфика оригинала на перевод?

— Художественная личность, её взгляды, манера могут идти вразрез с традициями родной культуры. И до конца 1990-х считалось, что когда мы произведение переводим, мы включаем его в родную русскую культуру. Было принято, что мы произведение должны сделать таким, чтобы его поняли в русской культуре. Но сейчас происходит незаметный перелом, и переводчики художественной литературы стали смелее, потому что у них стало больше мастерства. Теперь они стараются переводить так, чтобы внести что-то новое в свою культуру. Это касается всего: и выразительных средств, и героев, и сюжета. Я думаю, что русской литературе это очень нужно.

— Есть ли какие-то непокорённые вершины, к которым вы стремитесь в переводе?

— Мне предстоит очень сложная книга «Почему я не христианин», и написал её немецкий пастор. Она соткана из библейских цитат. Я такого ещё не делала, мне это интересно. Как я с этим справлюсь, не знаю. У переводчика не может быть стратегического мышления, ему интересна ближайшая работа. Например, раньше мне и во сне бы не приснилось, что я поеду на Олимпийские игры в Сочи в качестве переводчика. Но я считаю, что это очередное достижение.

— Какие сложности в работе переводчика?

— Не только у переводчиков в наши дни сложность в том, что профессионалы разобщены. Эта разобщённость приводит к демпингу на рынке, к невежеству самих переводчиков, к низкому качеству перевода.

— Какому человеку нельзя быть переводчиком?

— Человеконенавистнику. Потому что перевод — это особая профессия, обеспечивающая коммуникацию. Мир человеческий связан переводом. Поэтому противопоказана эта профессия тем, кто против людей.

Татьяна, г. Омск: «Ещё семинар прошлого года, на котором я была, полностью поменял моё отношение к переводу. Раньше я считала, что художественный текст — это вольно написанный текст, нет каких-либо правил, по которым он организован. Но после семинара оказалось, что текст имеет жёсткую структуру и чёткую организацию. Что эту организацию сначала нужно подметить в тексте, проникнуться духом текста. Мы учимся понимать книгу так, как она была задумана, а не как ты её для себя проинтерпретировал. Всё должно быть по-авторски, и это трудно, на самом деле. Благодаря семинару мне стало интересно читать современную переводную литературу. И вообще просыпается интерес к литературе. Хочется знать, и знать всё, и знать всё сразу».

Екатерина КОСТЕРИНА

Полжизни за партией

Высшим образованием сегодня мало кого удивишь, но некоторые люди учатся всю жизнь — общество позволяет постоянно совершенствоваться в разных сферах знания. Сергей КОСТЫЛЕВ — историк, менеджер культуры, магистр истории искусств, а теперь ещё и аспирант — сам себя называет «жертвой системы непрерывного социокультурного образования». Мы решили поговорить с ним и узнать, зачем нужно получать все эти дипломы.

— Почему вы стали историком?

— В 90-м году после окончания школы встал вопрос, куда поступать. Я заканчивал профильный гуманитарный класс и выбирал из двух вариантов: юридический факультет КГУ и исторический факультет КГПИ. Истфак на тот момент считался очень престижным, там был достаточно высокий конкурс — 12 проходных баллов, мне удалось набрать 13. Но не этим мотивировалось моё поступление. История всегда мне импонировала, были интересны исторические факты, персоналии.

Я до сих пор удивляюсь: весь наш класс записался в краевую библиотеку, как только стало можно, в 16 лет (в 15 ещё не брали), и мы просиживали выходные за какими-то историческими источниками. Я уже тогда изучал полное собрание законов Российской империи. Этих исторических книг даже не было в обычном каталоге, библиограф специально шифры выписывала, мне из книгохранилищ поднимали, и я всё это смотрел. Сейчас в разговоре со своими друзьями и коллегами я всегда отстаиваю то, что исторический факультет — это флагман гуманитарного образования края.

Поступая, мы, конечно, предполагали, что будем историками, но по квалификации — учителя истории и социально-политических дисциплин. Педагогика и история взаимоусиливали друг друга, плюс мы проходили педагогическую практику в школах. Эта старая образовательная парадигма сказала на всей моей дальнейшей жизни. Я пошёл работать преподавателем на кафедру политологии Педагогического университета в 1995 году и отработал там несколько лет.

— Откуда появилась необходимость во втором высшем образовании?

— После работы в Педагогическом университете и на гуманитарной кафедре Медицинской академии мне предложили перейти на работу в управление начального профессионального образования администрации края. Подразделение было культурного профиля, поэтому я решил, что необходимо иметь специальное образование в области культуры и искусства, причём с менеджерской составляющей. При этом в 2004 году меня наградили Почётной грамотой Министерства образования и науки РФ «За значительный вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов». Вот с таким багажом я решил, что нужно переqualificироваться и стать специалистом социокультурного профиля.

Тогда я поступил на факультет искусствоведения и культурологии Красноярского государственного

университета, квалификация — менеджер социально-культурной деятельности. Без сомнения, это дало мне определённую уверенность в том, чем я занимаюсь: в 2009 году я стал экспертом Главной аттестационной комиссии Министерства образования и науки Красноярского края. Наш учебно-методический центр профессионального образования прошёл аккредитацию как образовательное учреждение, я разрабатывал там ряд программ и был лектором.

— Но после этого вы оказались в магистратуре СФУ.

— Вроде я свыкся с мыслью, что образования мне уже хватит, но тенденции Болонского процесса, в котором Россия стала участвовать, не могли пройти мимо меня. Ещё когда я обучался на историческом факультете, вопросы культуры и искусства меня всегда волновали. История искусств как специальность — это была моя мечта, мой дипломный проект в 95-м году звучал так: «Византийские истоки творчества Феофана Грека». И меня пригласили в магистратуру по истории искусств. Поэтому я считаю,

что всё, что делается — реализация того образовательного пути, который, видимо, тебе предначертан.

И вот я в числе 5 человек завершил магистратуру в 2014 году. Итогом магистратуры стали три статьи ВАК, стипендия Оксфордского Российского фонда, поездка в Дальневосточный федеральный университет по линии Благотворительного фонда В. Потанина...

— Аспирантура — уже другая ступень, научная. Она тоже не обоглась без дополнительных сфер знания?

— Сейчас я осваиваю программу по этике (заведующая кафедрой культурологии Гуманитарного института СФУ Наталья Петровна КОПЦЕВА рекомендовала меня в очную аспирантуру по программе «Этика» к доктору философских наук Елене Николаевне ВИКТОРУК в КГПУ). Это помогает раскрытию темы диссертационного исследования, которое продолжает магистерское, только с иного аспекта, с точки зрения морали и нравственных ценностей. Тема такая: «Особенности реализации этического

потенциала арт-менеджмента в социокультурном образовательном пространстве». Звучит сложно, но, думаю, будет интересный результат этого исследования.

— В чём вы видите плюсы постоянного, даже непрерывного получения образования?

— С точки зрения формальной это даёт, прежде всего, уверенность на рынке труда. Когда за плечами определённый багаж знаний, компетенций, умений, плюс подкреплённый дипломами. Не секрет, что современная экономика конкурентна, поэтому необходимо отвечать на вызовы сегодняшней ситуации. Кроме того, ты приобретаешь богатый опыт общения, взаимодействия с другими людьми. Сейчас я тоже преподаю, и преподаваемые дисциплины качественнее проходят в этой новой для меня ситуации. Обучение позволяет изучить новые подходы: синергетический, семиотический, мы исследуем, что лучше для понимания той или иной ситуации.

— А что вы думаете о самообразовании?

— Сегодня говорят о том, что главное образование — самообразование, и я с этим полностью согласен. Даже если мы формально находимся в учебной аудитории — только самообразование. Все направления, которые я изучал, требуют большой самостоятельной работы.

— Ваши многосторонние познания востребованы?

— Недавно поступило предложение стать членом экспертного совета городского конкурса постеров «Я люблю Красноярск», инициированного мэром Красноярска. По итогам работы работы создадут визуальный образ города Красноярска. Также я эксперт Сибирского образовательного форума, масштабного ежегодного мероприятия.

— Каково это — учиться взрослому? Особенно, если преподаватели гораздо моложе...

— Когда я в 22 года стал преподавателем, студенты на заочном отделении были значительно старше меня, и я никаких комплексов по этому поводу не испытывал. Это естественный процесс для современной парадигмы образования, для современного пост-модернистского общества, когда все друг у друга учатся. Я общаюсь со своими коллегами, профессорами, докторами, кандидатами наук, среди них не считается зазорным, например, что доктор наук получает ещё одно высшее образование или обучается в магистратуре. Сегодня знать всё невозможно, важно не знание само по себе, главная задача, на мой взгляд, заключается в создании уникальной образовательной творческой среды на занятиях, которая будет способствовать постижению предмета через самообразование, какой-то поиск.

— Посоветуете другим такой многоступенчатый образовательный путь?

— Долгое обучение можно интерпретировать и как недостаток, так что советовать ничего не буду. Но тем не менее первый выбор будущей профессии часто неосознанный, это больше выбор родителей. А позднее ты уже сознательно подходишь к выбору индивидуальной образовательной траектории. Соответственно, и больше мотивирован на получение знаний. В моей жизни есть примеры, когда я настаивал, чтобы мои друзья, знакомые получали второе высшее образование...

Олеся ПОЗДНЯКОВА

блиц

Ваш возраст. Уже 42 года.

Вы — вечный студент? Знаете, вечный студент — это тот, кто учится, но не заканчивает, так что это не про меня.

Место работы в настоящий момент. Заведующий организационно-методическим отделом Дома искусств.

Работа мечты. Руководитель проектного агентства в области искусства.

Стипендия (как «побочный» доход) обычно тратится на... Покупку литературы, оплату научных публикаций, досуг.

Три последних прочитанных книги. А. МОРУА «История Франции», П. ГНЕДИЧ «Мировое искусство», Ю. ХАБЕРМАС «Модерн — незавершённый проект».

Культурные мероприятия для души. Не только слушаю дома, но и очень люблю посещать концерты классической музыки. Люблю БЕТХОВЕНА, МОЦАРТА, ВИВАЛЬДИ. Недавно ходил на Национальный российский оркестр, ходим с женой слушать великолепного БАХА в Органный зал.

Любимый исторический деятель. Александр Невский, о нём можно сказать «выразитель земли русской».

Лучшее занятие в свободный вечер. Не скажу, что я прямо столбист, но в последнее время полюбили с друзьями ходить на Столбы, провожу там выходные.

Любимый памятник в Красноярске. Памятник Андрею ПОЗДЕЕВУ. Он необычен, интерактивен, организован в таком пространстве, что не взирает свысока, находится с каждым прохожим лицом к лицу, в толпе. Он как бы «мой», родной, я всегда, когда проезжаю или прохожу мимо, смотрю на него, могу с ним внутренний диалог выстроить.

Знакомьтесь: образцовая

Реклама в нашей стране — особа с сомнительной репутацией, которая подмочена навязчивостью, ложью и глупостью огромной массы роликов и сообщений. Таков её имидж в России, хотя на самом деле реклама — не только спутница любой конкурентной экономики, но и сила, способная менять сознание и будить в человеке лучшие качества.

Оказывается, именно такой рекламой занимаются в Красноярске, который для ведущих мировых рекламных фестивалей и агентств стал заметной точкой на карте. О рекламе — искусстве, рекламе — «воспитательнице чувств» мы поговорили с Иваном ЧУРИЛИНЫМ, директором и основателем коллекции мировой рекламы ABC Show, членом жюри международных рекламных фестивалей и преподавателем СФУ, а также победителем последнего международного конкурса экспертов в области рекламы Christmas Quiz от Gunn Report.

— Иван, если исходить из постулата, что учиться требуется всю жизнь — вы уже научились всему, чему хотели?

— Я учился много где и много чему, всегда любил учиться и продолжал учиться сейчас. После школы окончил Владивостокское мореходное училище, где получил образование штурмана дальнего плавания. После работы в Дальневосточном морском пароходстве поступил в родной Красноярский госуниверситет на только что открывшийся психолого-педагогический факультет. Наш выпуск был вторым. Уже работая топ-менеджером в рекламе, закончил Президентскую программу по менеджменту. Потом получил второе высшее по пиару и связям с общественностью. Проходил стажировку в американских рекламных агентствах в Сиэтле по программе Business for Russia. Сейчас хожу на курсы английского для аспирантов в СФУ.

— Рекламе можно научить?

— Конечно, это же прикладная область знаний. Виды рекламы очень разные: это не только творчество, но и медиапланирование, другие аспекты, которые требуют не столько творческих, сколько аналитических способностей, что ближе к математике. Рекламным технологиям благополучно и успешно учат во всём мире.

Конечно, в рекламном бизнесе приветствуются задатки, предрасположенность, как и в любом творчестве. Образование лишним не будет, но есть примеры, когда высот здесь достигают люди без специального диплома.

Например, Евгений ПРИМАЧЕНКО, который пришёл в рекламное агентство Екатеринбург «Восход», не имея рекламного образования, но проявил себя очень талантливым копирайтером: его работы начали побеждать на международных фестивалях, сейчас он в Амстердаме, в агентстве Wieden and Kennedy. Идеальное сочетание — это задатки плюс образование.

— Как вы оцениваете уровень красноярской рекламы?

— К сожалению, он довольно низкий. В своё время, лет 20 назад, когда рекламный бизнес в Красноярске только зарождался, были отличные работы — то, что делали «Бюро Анато-

льевых», Владимир ПЕРЕКОТИЙ, Олег БЕЗРУКИХ. Но это в прошлом, сейчас очень ярких, прорывных проектов не видно. Есть некоторые проблески, талантливая молодёжь, ребята, которые побеждают на новосибирской «Идее», локальных российских мероприятиях. Но, как известно, надежда умирает последней, и, думаю, хорошие работы будут появляться и в Красноярске.

Вообще, не только в красноярской, но и в российской рекламе уровень креатива низок. Недавно были опубликованы данные международного рейтинга Gunn Report. В большинстве случаев выявлена прямая корреляция между размером рекламного рынка страны и её местом в рейтинге креативности.

Например, первые семь стран из рейтинга креативности входят в ТОП-10 по размеру рынка. Аналогично семь стран с самыми большими рекламными рынками входят в ТОП-10 рейтинга креативности. Однако Россия, имея 11-й по размеру рекламный рынок в мире, даже не вошла в ТОП-25 рейтинга креативности. По итогам 2014 года мы находимся на 27-м месте вместе с Ливаном.

— Почему так сложилось? Что всё-таки определяет преобладание в наших медиа рекламы низкого уровня, «лобовой», недалёкой — образовательный уровень, низкие бюджеты?

— Причин много. С одной стороны, реклама как бизнес, как наука возникла у нас только в постсоветском периоде, и она очень молода. С другой стороны, наша экономика по большей части сырьевая, а не высокотехнологичная, и большое количество молодёжи сейчас стремится работать не в креативных секторах экономики, а в государственных, чиновничьих структурах, добывающих отраслях.

Кроме того, мы слабо интегрированы в мировой рекламный рынок, мало вовлечены в международные образовательные рекламные проекты. Например, в прошлом году на креативную неделю One Show в Нью-Йорк приехали студенты из разных стран, одних только китайцев было около пятидесяти. И ни одного студента из России.

Наконец, мы знаем, насколько велик в стране уровень коррупции — и хотя это, казалось бы, далеко от рекламы, но на самом деле на многое влияет: порой заказы на рекламу достаются не самым лучшим рекламным агентствам. Соответственно страдает уровень и качество рекламного продукта.

Это заметно в том числе и по социальной рекламе. В мире огромное количество прекрасной социальной рекламы, интересной, эффективной и эффективной. Наша же очень невысокого качества — часто она апеллирует к агрессии, негативным коннотациям. Взять, например, текущую наружную рекламу с баранами: по городу стоят сити-борды, на которых изображены бараны — «Вылез на забитый перекрёсток? Молодец».

Или недавно была кампания против курения — с плакатами, на которых сигареты тушили об ребёнка; совершенно дикая, на мой взгляд. Но ведь её выбрали, заплатили за её создание деньги...

Чтобы вызвать реакцию, отклик, проще всего человека напугать. Страх и отвращение «выбить» легче, чем позитивные эмоции. Но к нужному результату «чёрная» реклама не приводит, а, напротив, работает в минус.

И это в то время, когда существуют прекрасные образцы социальной рекламы.

— Например?

— Наше ABC Show располагает огромным количеством такого материала, поскольку мы сотрудничаем с ведущими зарубежными фестивалями, получаем лучшие образцы креа-

тива, видеоролики, печатные работы. Есть желание сделать передвижную выставку «100 лучших социальных работ мира» и продемонстрировать её на разных площадках, в разных городах. Для её создания требуется всего 100 тысяч рублей, но в Красноярске мы поддержки пока не нашли. По факту мы больше выступаем в других городах, куда нас приглашают, за пределами края. Каждый год показываем коллекции в Москве, Минске, Санкт-Петербурге, в Сургуте на Окружном форуме социальной рекламы и других городах.

В апреле нас зовут в очередной раз в Москву показать самые награждаемые работы мира по итогам года на церемонии награждения лучших креативных агентств России.

— Иван, можно подробнее: мы — это всё-таки кто?

— Проект ABC Show. ABC — это аббревиатура Advertising Best Collection, что переводится как Коллекция лучшей мировой рекламы. Для меня преподавание в СФУ — не основная деятельность. В рекламе же работаю с 1994 года. 10 лет был топ-менеджером в рекламной группе «Оникс», а сейчас являюсь президентом ABC Show. Мы сотрудничаем с ведущими рекламными фестивалями мира, например такими, как Cannes Lions, One Show, Clio Awards, FIAP. Ежегодно получаем работы, победившие на международных фестивалях, переводим их и озвучиваем. Это уникальный продукт, которым мы бы хотели делиться и показывать российскому зрителю. Также я являюсь членом жюри New York Festivals (Нью-Йорк) и Mobius Awards (Лос-Анджелес).

— Ваша деятельность больше направлена на профессионалов?

— Не только. У нас диверсифицированный продукт. То есть это не только выступления на профессиональных мероприятиях, конференциях и фестивалях. Мы также работаем и на широкую аудиторию. Лучшие образцы рекламы уже давно стали элементом масс-культуры. То, что мы показываем — очень интересно и смотрбельно.

Вообще, работает ли социальная реклама — это не вопрос, а ответ. Все исследования это подтверждают.

Знаете ли вы, например, как проводить непрямой массаж сердца? 71% англичан знают, потому что у них была замечательная рекламная кампания «Staying Alive» с характерным актёром Винни Джонсом, доходчивая, весёлая, зрелищная.

— У нас в обществе отношение к рекламе скорее пренебрежительное...

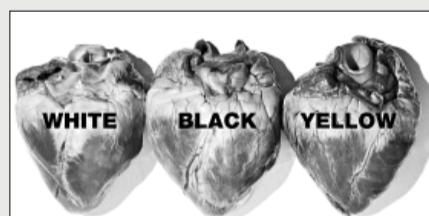
— Действительно, большинство людей относится к рекламе отрицательно. И это нормально. Реклама, которую мы видим в повседневной жизни, часто бывает неинтересной, назойливой, а порой и отвратительной. Но вопрос «Любите ли вы рекламу?» сродни вопросу «Любите ли вы музыку, литературу, живопись?». Ответ здесь: «Смотря какую». Есть классика, а есть так называемый шансон, книги, которые лучше не читать, и телевидение, которое лучше не смотреть.

— То есть если бы по телевизору показывали качественную рекламу, люди бы смотрели её не отрываясь?

— Конечно. И это уже происходит. С появлением Интернета появился новый феномен — чтобы рекламе дойти до своей целевой аудитории, уже не обязательно многомиллионные бюджеты для её размещения на телеканалах и в СМИ. Качественную,

Из коллекции ABC Show

Предлагаем угадать

Белый Чёрный Жёлтый
Сердца у всех людей одинаковые

Что рекламируется:

- кардиохирургия
- социальная проблематика
- одежда
- мясная лавка

В этой рекламной кампании в качестве постеров были наклеены настоящие деньги.

Вопрос: какого максимального достоинства купюры использовались для рекламной кампании газеты The Zimbabwean.

- 1 доллар
- 10 долларов
- 100 долларов
- 100 триллионов долларов

реклама

зрелищную рекламу, которая зацепила сердца, зрители сами «шерят» (от share, «делиться») в сети. Такая реклама, на распространение которой не было затрачено ни копейки, собирает миллионы просмотров.

Например, анимационный видеоролик, сделанный по заказу мельбурнского метрополитена агентством McCann — Dumb ways to die, «Глупые способы умереть». Это мультфильм с песней о несчастных случаях, которые происходят по неосторожности, в результате глупых поступков и так далее. Работа заняла второе место в разряде most shared, то есть как ролик, которым делились больше всего. Но главное — достигнутый эффект: после этой рекламной кампании количество несчастных случаев в метро, по официальной статистике, снизилось на 21%.

Создатели этого ролика не только выполнили поставленную перед ними задачу, но, более того, песня из ролика попала в ротации на радиостанциях, следом была создана компьютерная игра, посвящённая безопасности, а в прошлом году права на персонажей этого ролика купила канадская страховая компания...

Резюмирую: качественная реклама, побеждающая на международных конкурсах, успешна и эффективна.

— **Существует ли, на ваш взгляд, в мире единое пространство рекламы и есть ли свои особенности у рекламы разных стран? Кто, на ваш взгляд, творит лучше?**

— Особенности есть, можно разглядеть колорит, понять, откуда пришёл тот или иной ролик. Но несмотря на это рынок рекламы давно стал глобальным.

Лидеры в рекламном креативе — Великобритания и США, откуда, собственно, всё и пошло. Но много интересного делают и в других странах.

Мне нравится латиноамериканская реклама, особенно аргентинская. На мой взгляд, она близка нашему менталитету, эмоциональная, с юмором. Страна, рынок которой намного меньше российского, ежегодно занимает почётные места в ТОП-10 по креативности.

В последнее время в уровне рекламы очень сильно поднялся Китай. Прекрасные, добрые, очень трогательные работы делает тайский режиссёр Танончай СОРНСРИВИЧАЙ. Его продакшн-компания Phenomena завоевала более 500(!) наград на разных фестивалях мира. Я удивляюсь, как он умудряется из года в год снимать ролики, которые тебя буквально переворачивают. После одного из наших мероприятий ко мне подошла зрительница и сказала, что ролик Melody of Life надо было показывать не в конце программы, а ближе к середине — «мы проплакаться не успели».

— **Можно ли говорить о некой рекламной моде?**

— Да, бывает, возникают некие тренды. Сейчас, например, зачастую даже коммерческая реклама поднимает общечеловеческие темы, и мне это очень нравится. В результате глобализации современного мира товарный рынок сильно унифицирован, товары одной ценовой категории

очень похожи. На первый план выходит формирование отношения и эмоции, которые реклама задаёт.

— **Где можно посмотреть ролики из вашей коллекции?**

— На наших показах. К сожалению, преимущественно в других городах. Но часть материала размещена на сайте www.abcsHOW.ru и на нашей официальной странице на youtube.

В Красноярске сейчас нет масштабного фестиваля рекламы. Как, например, в том же Омске, где каждый год проходит фестиваль социальной рекламы «Пора», или в Новосибирске, где есть «Идея». Конечно же, хотелось бы сделать большой ежегодный фестиваль и в Красноярске.

— **А «Ночь пожирателей рекламы»?**

— Это немного другое. «Ночь...» — частный продукт Жана-Мари БУР-СИКО, ролики он собирает, руководствуясь личными предпочтениями. У нас же в коллекции только Best of the Best — работы, которые победили на фестивалях и прошли через жёсткий фильтр. Рекламные агентства со всего мира отбирают свои лучшие творения и отправляют их на международные фестивали. На «Каннские львы» поступает порядка 35 тыс. роликов в год, на One Show — около 25 тыс., на «Клио» — 15 тыс. и так далее. Из этого количества авторитетное жюри отбирает самое лучшее. Мы получаем уже победителей, прошедших все этапы отбора, и уже из них формируем коллекцию, которую ежегодно обновляем.

— **Какое место занимает ABC Show среди других рекламных коллекций?**

— Может показаться странным, но в России, кроме нас, этим никто не занимается. Мы находимся в Красноярске, но о нашей коллекции пишут в США, Латинской Америке, в Англии, я вхожу в жюри нескольких международных фестивалей. Генеральные директора главных фестивалей мира считают за честь выступить с приветственным словом перед зрителями ABC Show. Например, в прошлом году это было видеообращение Фила ТОМАСА, генерального директора «Каннских львов», в этом — Николь ПЕРСЕЛЛ, президента Clio Awards.

Мы из Красноярска везём Коллекцию лучшей мировой рекламы в столицы, Москву и Санкт-Петербург. Наше провинциальное месторасположение несколько вредит имиджу, поскольку все привыкли, что всё идёт из Москвы. А мы берём материал напрямую у фестивалей в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Лондоне, Париже, Бангкоке, Йоханнесбурге... Люди до сих пор с трудом в это верят.

— **А вообще это была ваша идея? Как возникла компания?**

— Да, в своё время я руководил рекламным агентством «Оникс Advertising», и в 2002—2003 гг. мы впервые показали в Красноярске в БКЗ при полном аншлаге ролики европейского фестиваля «Эпика». Так зародился интерес к этой теме, который позднее и перерос в ABC Show.

— **Есть ли в вашей коллекции российские ролики? Попадали ли в ABC Show, например, красноярские работы?**

— Есть небольшое количество российских работ, в основном из Москвы и Екатеринбурга. Их мало по одной простой причине — в России мало качественной рекламы и, соответственно, российские работы мало побеждают на международных конкурсах. То же относится и к красноярской рекламе. Как только появится что-то реально стоящее в Красноярске, мы

На церемонии награждения One Show Entertainment, Лос-Анджелес. Иван — второй слева

будем счастливы включить такую работу в коллекцию.

— **Существуют ли, на ваш взгляд, законы создания великого ролика?**

— Думаю, да. Но здесь, как и в любом творчестве. Разобрать и проанализировать уже готовую работу легче, чем гарантированно создать шедевр. Все разговоры о том, что «вот мы сейчас однозначно создадим такую рекламу!» — это мечты.

Если попытаться сформулировать в общих словах, то хорошая реклама прежде всего оригинальна. При этом только идеи недостаточно, она должна быть ещё и качественно реализована. А чтобы реклама могла быть оценённой на серьёзном международном конкурсе, важно, чтобы она ещё была и понятна интернациональному жюри.

Критерии оценки на фестивалях включают оригинальность, новизну, креативность. Понятно, что это качественные, а не количественные характеристики, поэтому есть некая субъективность суждений. Могу привести один показательный пример. В 2010 году жюри «Каннских львов» присудило Гран-при в номинации Press работе Scrabble. Однако за несколько минут до церемонии награждения стало известно, что эта работа уже подавалась в прошлом году, а так как правила запрещают повторные подачи, работа была дисквалифицирована. Но самое интересное, что в 2009 г. эта работа даже не вошла в шорт-лист конкурса!

От субъективизма в оценке креативности рекламы никуда не деться, но он минимизируется, когда собирается множество таких оценок. Сейчас при составлении рейтинга учитываются итоги 45 фестивалей мира. Таким образом, работы, которые попадают в нашу коллекцию, дают реальное представление о лучших образцах рекламного креатива.

— **А теперь вредный вопрос. Есть точка зрения: десятилетиями мы жили без рекламы, и ничего. Нужна ли реклама вообще?**

— Да, мы жили практически без рекламы в советский период.

Но рыночная экономика не может в принципе развиваться без рекламы. Это катализатор, который позволяет людям узнавать о товарах и услугах.

Реклама существует с незапамятных времён, существовала она и в

дореволюционной России. Возможно, её роль и не так значима в определённых государственных устройствах (например, в Северной Корее), когда у населения, собственно, и выбора нет. «Летайте самолётами Аэрофлота» — а есть другие авиакомпании? «Храните деньги в сберегательной кассе» — а что, есть другие варианты вкладов? Если же у тебя есть выбор, который создаётся конкурентной экономикой, реклама необходима как средство продвижения.

— **Дети, как известно, обожают рекламу. Заметно ли уже другое восприятие рекламы среди ваших студентов? Кстати, как вы вообще занялись преподаванием?**

— У современной молодёжи, как замечают многие, клиповое мышление. Соответственным образом строятся рекламные ролики, в которых за полторы минуты человек переживает всю заданную гамму эмоций.

Я преподаю в Гуманитарном институте СФУ предмет «Организация деятельности рекламного агентства». Несколько лет назад показывал студентам-рекламистам ролики из нашей коллекции, после чего получил приглашение от зав.кафедрой рекламы Елены Анатольевны НОЗДРЕНКО о сотрудничестве.

Мои студенты — люди достаточно креативные, тем более что сегодня весь инструментарий для рекламного творчества находится на кончиках пальцев — смартфоны, компьютеры. И многие уже делают интересные работы, открывают свои проекты.

— **Расскажите о конкурсе, победителем которого вы стали недавно. Что это за мероприятие?**

— Конкурс Christmas Quiz придумал Дональд ГАНН, создатель авторитетнейшего международного рейтинга Gunn Report. Раз в год под Рождество Ганн предлагает ведущим рекламистам мира, директорам фестивалей и агентств, ответить на 20 вопросов о рекламе. Из 811 человек, которые участвовали в конкурсе в этом году, десять, включая меня, ответили верно на все вопросы.

Большей частью вопросы касались креатива в рекламе, были и вопросы на конкретное знание, и такие, над которыми надо поразмышлять. Конкурс проводится без призов, это имиджевая история. И очень ценно, что мне, как и другим победителям, Дональд Ганн предоставил доступ к своему сайту, к архиву, где собрана огромная база роликов, рейтинги, статистика, различные исследования — словом, много интересного и полезного материала. Очень бы хотелось всем этим делиться с красноярцами.

Татьяна АЛЁШИНА

Город будущего. Мы должны

В Красноярске 5-6 марта состоялся форум «Город будущего». Главный посыл, как и явствует из названия, был такой — как нам обустроить городское пространство, чтобы каждый житель чувствовал себя в своём городе комфортно, спокойно и уютно? А самое главное — чтобы горожанин был причастен к созиданию родного города.

Организовала форум компания РУСАЛ, она же презентовала грантовый конкурс в рамках программы «Территория РУСАЛа». Этот конкурс направлен на поддержку проектов развития архитектурной и социокультурной среды города. Два дня в конференц-зале библиотеки СФУ участники с помощью приглашённых экспертов из Москвы анализировали социальную активность и возможности городских сообществ. Участвовали в тренингах по социальному проектированию. В мозговых штурмах рождались интересные идеи для новых социальных проектов.

Выступления московских урбанистов заняли весь первый день форума. Общая мысль, которая проходила через все доклады, — мировая тенденция «строить город под себя» пришла и в Россию. При этом предполагалось, что участвовать в развитии города должны абсолютно все горожане, в режиме доброжелательного активного диалога.

Святослав МУРУНОВ, директор Института прикладной урбанистики, о власти, бизнесе, городских сообществах и о том, как построить сетевую модель городского развития

В принципе, власть как социальная система отвечает в городе за всё. Наверное, это консервативное управление. Потому что сложная система меньше всего способна на эксперименты и новации. Когда вы отвечаете за всё, и у вас очень сложная система принятия решений, любое резкое движение чревато рисками. Поэтому чаще всего реализуется проект, связанный с инфраструктурой, с большим строительством, то есть с понятными длинными проектами.

В советское время крупные предприятия в городах являлись основной градообразующей системой, в том числе и социальной. Однако в последние 20 лет от этой градообразующей функции, особенно в моногородах, старались отказываться, потому что предприятия стали частью финансово-промышленных групп, и центр принятия решений резко сместился, теперь он находится не в месте локализации этих предприятий.

Когда промышленные гиганты отказались от поддержки и развития социальной инфраструктуры, стратегия развития города абсолютно поменялась. Кроме того, крупный бизнес — он всегда про бизнес, про капитализацию, а не про город. Стратегия бизнеса в городах: «Больше ресурсов за меньшую компенсацию». Звучит цинично, но бизнес так устроен, ему непонятна благотворительность, он не видит от неё отдачи, за исключением нивелирования, может быть, каких-то социальных конфликтов. И на самом деле не его задача развивать город и территории, думать о комплексном образовании и т.д. На своей территории он создаёт профес-

сиональное образование, социокультурную инфраструктуру для своих работников, и всё. За весь город он отвечать не обязан.

В последние годы многие крупные предприятия прекратили своё существование, превратившись в промзону. Возник средний бизнес, ритейл, девелопмент, производство товаров народного потребления и услуги. И то, как возник этот средний бизнес, определило его внутреннюю структуру, его целеполагание. Оно достаточно простое, потому что бизнес этот молодой, у него нет опыта и классической эволюции, когда бизнес вырастал из какой-то деятельности и усложнялся, и чувствовал обратную связь от своих поступков и т.д. В нашей стране бизнес пока представляет собой социальную систему с очень простой целью: больше денег!

Типичная городская дума на 90% состоит из среднего бизнеса. И во многих городах доходит до смешного — человек, владеющий транспортной компанией, является руководителем департамента транспорта... Понятно, что дума, которая представлена только бизнесом, перестаёт думать о горожанах, перестаёт думать о городе целиком.

Приватизация горэлектросети, горводоканалов — это показатель того, что город превращается в корпорацию и тем самым наступают себе «на горло». Потому что город начинает разрушаться как социальная среда, когда преследуются интересы какой-то одной группы.

В последние 20 лет в городе усилилась борьба за ресурсы. Количество конфликтов сегодня может быть в десять раз больше, чем количество городских субъектов. Никто в городе не занимается созданием диалога, нивелированием или перезагрузкой этих конфликтов. Нет такой городской системы, которая сказала бы: слушайте, давайте посмотрим, кто с нами в каких отношениях?

Очень важно иметь пространство диалога, потому что город — это диалог всех социальных систем. Соотнести свою стратегию со стратегией другого и найти что-то общее. Минимизировать издержки, объединить ресурсы и получить какой-то синергетический эффект.

В социальных городских системах нет горожанина. Горожан представляют разве что неформальные городские сообщества или общественные организации. Это могут быть раз-

личные группы по интересам вокруг какой-нибудь социальной или экологической проблемы, подростковые субкультуры, клубы бардовской песни.

Но они замкнуты сами на себя и обладают минимальным количеством ресурсов. Они не имеют собственной инфраструктуры или обладают ею в минимальной степени. И они не готовы быть серьёзным субъектом и предъявлять права на город.

У государства имеются свои люди, свои организации, свои НКО, которые заменяют им некий диалог с жителями. И государству это удобно. Потому что как только оно в лице чиновников начинает выходить к горожанам, оно немедленно получает набор «хотелок» или жалоб. А жалобы — это не диалог.

Основная проблема наших городов в том, что 80% жителей в них никак не включены ни в одну из социальных систем, то есть фактически не являются горожанами, а равно и субъектами городского развития. Это так называемые городские пассажиры...

Они не ходят на выборы, не вступают в какое-либо социальное взаимодействие, они не знают соседей по подъезду. У них есть дом, работа, иногда развлечения или ещё что-то.

Официальных сценариев социальной активности не существует. Такого мессиджа государство не подаёт.

Сетевая модель города — это формирование диалога. Когда разные субъекты — и бизнес, и власть, и городские сообщества, и локальные эксперты — начинают совместно

выстраивать идеи, концепции, стратегии развития города. Неважно, в какой форме — это может быть стратегический совет, или дискуссионная площадка, или журнал, почему нет? Самое главное, чтобы там были люди компетентные, с онтологическим мышлением, говорящие на разных языках, но умеющие договариваться. Тогда у города появляется набор смыслов и идей о том, куда городу развиваться. Появляются организационно-проектные команды, готовые эти идеи реализовывать.

Все успешные проекты в стране — это проекты диалога. Например, «Комплексное развитие Калининграда». Власти не побоялись позвать бизнес, девелоперов, городские сообщества — причём очень агрессивно настроенные городские сообщества градозащитников, активистов и т.д. И хотя субъекты собрались очень разные, нашлось много общих проблем и общих ценностей, и уже было проще выстроить интересный сценарий...

А ижевский бизнес сам создал Ассоциацию развития города и начал городской диалог. Начал «перезагрузку» библиотек, музеев, организовал культурные события, образовательные события...

Очевидно, что начинать надо с коротких, понятных проектов. Если вы сразу возьмётесь за серьёзный проект вроде бренда города, вы его не сделаете. Беритесь за простое. Как это сделал город Иркутск два года назад. Они реализовали проект «700 субботников в этот день». Откартировали все помойки и всем городом вышли и убрали их...

Перезагрузка парка — отличный проект для того, чтобы бизнес, власть и горожане вместе подумали о том, как наполнить парк жизнью, как сделать его удобным для разных социальных групп, как сделать бизнес-составляющую. Хорошая идея для Красноярска.

Андрей ЛЯЛИН, директор по развитию группы компаний «Йо-полис», об умном городе, о том, как меняются города с участием жителей и что такое «общество участия»

Общество участия — довольно популярная концепция последних лет, которая активно завоёвывает мир. От потребления готового продукта или решения мы приходим к потреблению процесса. Всё большому количеству людей неинтересно просто потреблять продукт, интереснее участвовать в его создании и взаимодействовать с другими людьми. И именно это является базовым принципом общества участия.

Общество участия тесно связано с таким понятием, как «умный город». В новой реальности город — это не только место проживания людей, это город-эксперт, город-собеседник, город-партнёр и город-провайдер.

Есть четыре основных критерия «умного города»: устойчивое развитие его территории; перспективное потребление ресурсов; высокий уровень цифровой инфраструктуры и, самое главное, — участие людей в управлении городом и его развитии.

С недавних пор этот посыл вошёл в федеральную политику — власть должна привлекать людей. Гражданам недостаточно раз в 4-5 лет выбирать власть и только. Очень важно, чтобы государство регулярно привлекало жителей, граждан к процессам принятия тех или иных решений.

Пример того, как городские власти вовлекают жителей в развитие городской среды — московский проект «Активный гражданин».

Более года правительство Москвы регулярно выносит в Интернет вопросы, касающиеся важных проектов в рамках города. И спрашивает мнение жителей: как вы считаете, какое решение будет оптимальным? В этом проекте зарегистрировано уже

ПОСТРОИТЬ ЕГО САМИ

несколько сотен тысяч пользователей, и рекордным оказался вопрос, касающийся образовательной системы.

У департамента образования Москвы возникли идеи поменять расписание школьного учебного года, классические четыре четверти заменить триместрами, поменять расписание каникул. В этом опросе приняли участие порядка пятисот тысяч человек. Большинство проголосовало за то, чтобы всё осталось как есть.

Голосуются и какие-то локальные проекты. Например, десять месяцев назад правительство Москвы спросило горожан, какого цвета должны быть кресла на стадионе Лужники, который реконструируют в преддверии чемпионата мира по футболу. И в таком локальном опросе приняли участие более восьмидесяти тысяч человек. Проголосовали за то, чтобы кресла были цвета Кремлёвской стены.

Жители участвуют в распределении бюджетных средств. Возьмём такой не очень благополучный регион, как Кировская область. Люди там уже в течение трёх лет имеют возможность непосредственно влиять на распределение части регионального бюджета.

Жители готовят свои проекты, связанные с инфраструктурными изменениями, потом эти проекты проходят фильтр экспертной комиссии и попадают на голосование. В последнем голосовании приняли участие более сорока тысяч человек. Чтобы добиться такого участия, голосование проходило не только в Интернете, но и в оффлайне, в публичных местах стояли компьютеры, и волонтеры помогали проголосовать тем, кто не умеет ими пользоваться.

Егор КОРОБЕЙНИКОВ, управляющий партнёр бюро «UrbanUrban», о «временном использовании» и творческом потенциале развития города

Часто мы ходим мимо пустырей и заброшенных зданий. Это рядовая картина нашей повседневности. Пустыри есть и в Глазго, и в Лондоне, и в Париже.

Единственное отличие заключается в том, что зарубежная практика городского развития скорее воспринимает их как актив, как вызов, как нереализованный потенциал, нежели как проблему.

У каждого неиспользуемого объекта есть собственник, и у него могут быть затраты в виде налога на землю, платы за электроэнергию и прочее... С другой стороны, в городе всегда есть люди или группы, которые находятся в поиске пространства для реализации своих идей.

Это могут быть творческие сообщества, молодые предприниматели, люди, задействованные в некоммерческих и социальных проектах, которые пока не могут позволить себе платить рыночную ставку аренды. В какой-то момент они встречаются и договариваются: нуждающиеся в пространстве будут покрывать минимальные издержки собственника, за это он предоставит им аренду. И вот на стыке этих интересов рождается большое количество любопытных проектов.

Проект «Временное использование» позволяет решить задачи пространственного характера, когда «разорванная» городская ткань в виде пустырей и зон отчуждения становится «сшитой» средствами проектов.

Плюс оказывается занятым большое количество людей, в основном молодых, которые хотят проверить свою востребованность.

И «временное использование» помогает решить социальные задачи, например межэтнические проблемы в разных районах города.

По масштабу можно выделить несколько типов проектов.

Пример: телефонные будки Нью-Йорка, которые перестали выполнять свою привычную роль. Там возник очень милый проект по обмену книгами — буккроссинг.

Проект в Торонто — качели на остановке, когда пассажиры, ожидая автобуса, могут покачаться на качелях. В Ванкувере, городе далеко не южном, жители организовали пикниковую зону в самом центре города, которая монтируется на весь сезон и разбирается с холодами.

Но самый знаковый в этом плане — Берлин, где заброшенные про-

странства осваиваются и используются самыми разными способами. Наиболее известен пляж, который устроили горожане на заброшенной набережной, буквально в двух шагах от Бундестага.

Или «Сады принцесс» — один из самых показательных проектов с точки зрения всех задач, которые он решает. Этот сад-огород находится в турецком районе Кройцберг, и туда приходят люди самых разных национальностей. Городские дети мало того что наблюдают, как растут и зреют овощи-фрукты, они ещё на постоянной основе ухаживают за своими грядками, одновременно общаясь со сверстниками из самых разных социальных слоёв. Плюс многим людям огород дал работу...

Подобные проекты есть и в России. Один из самых показательных — это проект в Вологде, который был реализован в рамках фестиваля «Дни архитектуры». Команда молодых ар-

хитекторов решила использовать по-новому популярные среди жителей городские места. Поскольку Вологда знаменита своей деревянной архитектурой, в качестве основного элемента ребята решили использовать дерево. На главной пешеходной улице они устроили «Бульвар раскладушек» — установили такие деревянные конструкции, удобные для отдыха. Сквер рядом с университетом называли «Пейджер»; место, где жители любят наблюдать за закатом, стало называться «Красный пляж». Везде поставили эти необычные деревянные конструкции, на которых можно отдыхать.

Проект пользовался большой популярностью, но городская администрация не захотела взять объекты на баланс. И теперь конструкции находятся не в лучшем состоянии, хотя ребята стараются подновлять их своими силами раз в месяц...

Роман КОВАЛЁВ, организатор «Городского пикника» в Омске, о том, как формируется новая среда для жизни в городе

Что такое «Городской пикник» в Омске? Способ выяснить, может ли городское сообщество генерировать и организовывать большие проекты.

Первый пикник прошёл в 2012 году. Сначала это было 5 друзей, 50 000 рублей и 10 площадок, которые нам пришлось искать. Мы пришли к своим знакомым и каждому сказали: тебе обязательно нужно это сделать, ты нам очень pomoжешь, это будет полезно для тебя. И для нас совершенной неожиданностью стало то, что на пикник пришли 5 000 человек. Все городские события до этого были похожи на праздники во всех городах России — централизованная подача радости со сцены плюс салют.

В прошлом году у нас было уже более 200 организаторов. Люди становились волонтерами, руководителями частей и направлений. Было уже 370 000 рублей, причём спонсоры и пожертвования были 50 на 50. Пожертвования тоже были вариантом соучастия. Не все могли прийти копать или красить, но дать возможность поучаствовать таким способом — это тоже важно. Было 50 площадок, больше просто невозможно было сделать — не хватало территории и человеческих ресурсов. Нам пришлось отбиваться от предложений. 10 000 посетителей и главный праздник лета! Если вы в Омске спросите, что такое пикник, вам скажут, что это праздник, а вовсе не рок-группа или шоколадка.

Как итог — в течение трёх лет сформирована модель городского события. Теперь понятно, как оми-чи его видят. Сформирован городской запрос. Это не праздник, который устроили приехавшие люди, это именно то, что придумали сами горожане.

Итоги форума

Под руководством урбанистов участники форума — студенты, учёные, общественники, эксперты, представители власти, бизнеса, НКО — придумали и разработали мини-проекты, которые могут сделать наш Красноярск удобнее, интереснее, живее и ярче. Возможно, некоторые из них воплотятся в действительность с помощью грантов по программе «Территория РУСАЛа».

Елена НИКИТИНСКАЯ

КОММЕНТАРИЙ

Святослав МУРУНОВ также поделился своим видением вариантов развития Красноярска

— Город может оставаться промышленным и при этом быть человекоориентированным. Проблема в том, что промышленным городам очень тяжело в своём мышлении перейти от ресурсоориентированных тем к человекоориентированному мышлению. От газа, нефти, леса, металла к таким понятиям, как счастье, эмоции, дети, будущее, образование, культура и т.д. В этих городах всегда существует перекосяк в сторону промышленных процессов, и это накладывает отпечаток на городскую среду и те силы, которые принимают решения в городе. Обычно это хорошие хозяйственники-технари. Понятно, что при таких условиях мы будем иметь техногенный город.

Нужен некий баланс социологов, культурологов и инженеров, экономистов, производственников.

Мне кажется, будущее города — в переосмыслении того, для чего нам нужна промышленность. Для того чтобы мы что-то для кого-то поставляли или для того чтобы человек жил полноценно, комфортно, осознанно, и промышленность при этом была лишь одним из видов его деятельности.

Любой город со сложным климатом в первую очередь должен думать о людях... Человеку, особенно в Сибири, хочется зелени, птичек, песка, кататься на велосипеде... Поэтому город может подумать о перезагрузке пустующих пространств промзон, чтобы они работали круглогодично. Чтобы люди не тратили безумные деньги на то, чтобы добраться до курортов. Кроме того, ведь это загрузка логистики, которую можно было бы загрузить чем-то другим. Это один пример, куда город может развиваться.

Второй пример: промышленный потенциал всегда связан с инженерными кадрами, которые сегодня не загружены. А инженеры — это люди, которые могут перевести индустриальное мышление в постиндустриальное. Но им нужен соответствующий заказ. Им нужен кто-то, кто научил бы их думать мелкими бюджетами, работать с частным бизнесом.

Инженерия должна заново вернуться в города. И любой сибирский город — это просто поле непаханое для инженерных экспериментов: коммуникации, экономия, технологии двойного назначения... В городе нет заказчика или субъекта, который сформировал бы подобный заказ.

Города должны перезапускаться только за счёт своего социального капитала, за счёт того, что люди должны начать между собой разговаривать и думать о будущем, о реальных городских проблемах. Не ждать кого-то, кто эти проблемы решит, а самим договариваться.

Достигается упражнением

В конце января в Красноярском театре юного зрителя состоялась театрально-педагогическая лаборатория «Развитие культуры восприятия». Проводили её московские театральные педагоги Александра НИКИТИНА и Михаил БЫКОВ. Никитина — театровед, кандидат искусствоведения, Быков — режиссёр, оба они — идеологи школьной театральной педагогики и сотрудники уникального проекта: Детского музея «Дом семейных традиций». Столичные гости на примере тюзовских спектаклей презентовали множество причудливых техник, связанных с коллективным обсуждением, рисованием, интервьюированием и даже дебатами. Цель всего этого — научить человека, без оглядки на его возраст, целостному, безоценочному и осмысленному восприятию художественного события. Участниками лаборатории стали школьники, а также красноярские учителя, сотрудники учреждений культуры и артисты театра. В ТЮЗе хотят, чтобы обсуждения продолжились и после отъезда педагогов, превратившись в образовательную традицию.

— Начну сразу с вопроса в лоб. Лаборатория называется «Развитие культуры восприятия». А что, с восприятием культуры есть проблемы?

Никитина: Сразу же хочется спросить в ответ: «А вы как думаете?». Наверное, ходите в этот театр, да? У вас есть ощущение, что зритель всегда адекватен постановке? На «Метели» не видели ни одной бабушки, которая шипит, как змея, и пытается плеваться кипятком? На «Снежной королеве» наблюдали детей, которые говорят: «Мама, ну про что это? Мне так скучно, пойдём домой скорее!».

— Слушайте, но неужели возможны какие-то общие поведенческие нормы для бабушек, для маленьких детей, для курсантов речного училища?..

Н: Нет, возможно только одно — либо я умею вступать в диалог, либо же говорю: уберите от меня это, оно какое-то непонятное и противное. Есть ещё вариант: ничего нового вы мне всё равно не сообщите. Восприятие — это диалог. Всё, что происходит сейчас не только в искусстве, а вообще в окружающем мире, построено, к сожалению, на сворачивании диалога и нарастании крика: «Нет, я лучше знаю!».

Быков: Представьте стандартную модель поведения в театре или музее — если, конечно, мы говорим о средней температуре по больнице.

Например, учительница, когда она ведёт класс в театр, обычно беспокоится немножко о других вещах — чтобы школьники не разбежались по театру, не разбили витрину в фойе и так далее. У неё столько проблем, что ей не до восприятия.

Если же родители идут со своими детьми в театр, то диалог получается прекрасный. Прямо на выходе из зрительного зала, пока ребёнок ещё «тёпленький» и не успел переварить собственные ощущения, его спрашивают — ну как, тебе понравилось? Причём в самой подаче вопроса обычно уже подразумевается, каким должен быть ответ: чётким, однозначным, конкретным, из двух букв и с восклицательным знаком в конце. Это разве является восприятием?

— Но поведение — это же гибкая модель! Встречаются такие режиссёры, которые вполне осознанно провоцируют зрителя. Бывают

спектакли за «четвёртой стеной», а бывают такие, что играют на расстоянии вытянутой руки от зрителей. Соответственно, на одном человеку говорят — давай, реагируй, а на другом — сиди, нельзя... И сбивают его с толку.

Н: Если ему говорят «делай так», то сбивают с толку обязательно. Потому что либо человек чувствует, к какому типу диалога его приглашают пространство и режиссёр, либо ждёт, пока кто-нибудь ему скажет, как правильно надо поступить.

— Намекнуть-то каким-то образом, наверное, можно?..

Н: Вот об этом мы все эти две недели и говорим здесь, на лаборатории. Потому что это вопрос, ответ

на который не укладывается в одну фразу.

Я часто спрашиваю: если человек утром не знает, хочет ли он аккуратно застелить постель или в ключья порвать простыню и, собственно, не понимает даже, почему он хочет сделать какое-то из этих действий, может ли он понимать, что ему хочет сказать другой человек? Вряд ли.

Путь к восприятию — это выстраивание сложного диалога. Сначала с самим собой, когда человек потихонечку научается слышать, что он чувствует, что он ощущает, что он по поводу своих ощущений и чувств понимает и чего не понимает, о чём он собирается подумать. Потом начинается выстраивание диалога между этим человеком и какой-то более-менее простой реальностью: я сижу в этом зале, я сижу в этом пространстве. Что я по отношению к этому пространству хочу и не хочу, могу и не могу? Потом — выстраивание

диалога, например с моим соседом. Почему тебе хочется скорее убежать отсюда, а мне хочется спрятаться под стол? А потом, постепенно, это выстраивание диалога сначала с содержательным, потом — с художественным рядом спектакля. Это очень долгая и кропотливая работа, которая для разного возраста может делаться немножко по-разному.

Б: Есть часть методик, которые внешнему наблюдателю кажутся привлекательными, а есть и такие, которые кажутся непонятными. Сегодня, например, мы смотрели картину Владимира ИВАНОВА «Учитель и ученик», а потом с ней работали. Через тело, через звук, через поиск какого-то эмоционального отклика, через отношения между пространством и героем этой картины, между всеми героями на телесном уровне. Изучили взаимоотношения всего со всем на уровне невербальном — игры на концентрацию внимания, на пробуждение эмоциональной памяти. Ближе к финалу занятия начали какие-то детали анализировать, выводить их к рациональной логике.

Почему твоё тело стоит так? Что в твоих ощущениях показалось тебе более странным? Какие они были — как усталость от дальней дороги или усталость от размышлений и принятия решения? Какие-то конкретизации получаются. И только после всего этого опыта, понятого и пропущенного через себя, мы начинаем включать максимально голову по отношению к целостному образу, например

ощущения. Потом от многих повторов у него рождаются устойчивые чувства. Потом эти чувства он начинает осознавать и оформлять в понятия. Потом противоречие этих понятий приводит его к процессу мышления. И потом, возвращаясь к ощупыванию, он создает целостный мыслеобраз.

Таким образом, когда в школе или в театре мы спрашиваем у человека, что ты по этому поводу думаешь, мы исключаем возможность, что этот человек будет думать. Мы закладываем возможность, что он повторит то, что кто-то ему уже сказал. Потому что если он сначала не вспомнит, какие у него были по этому поводу ощущения, если он не осознает, как эти ощущения переросли в чувства и так далее — то никакой его собственной мысли не может быть по определению.

Б: В данном случае ключевое слово — собственной.

— И он точно так же может ошибаться в своей трактовке касательно явления или события.

Б: Но это ведь будет уже только его трактовка. Да, в спектакле есть код, но это вопрос уже другого уровня — умеем мы или нет читать язык, на котором к нам обращается художник. Однако восприятие состоит из двух сторон, если мы говорим о вербальном уровне: говорящего и слушающего. И то, что я сейчас говорю, вы слышите так, как вы слышите, и другой человек на вашем месте слышал бы своё. Оба этих варианта равноценны, если идёт диалог. То же самое и со спектаклем.

Н: Есть то, что художник сказал осознанно, а есть та щель, которую он оставил для заполнения диалогом. И от зрителя зависит, как эта лакуна будет заполнена.

— А не поздно учиться правильному восприятию лет в 30-40? Как эта методика работает по возрастам?

Н: Сейчас в Москве делают театральную лабораторию для полтора-двухлетних детей, и это, конечно, идеально. Понятно, что подростковый возраст в силу того, что заново переосмысливаются все взгляды на себя и на мир, даёт больше возможностей, чем другие возрасты. А дальше всё зависит от того, хочет человек что-то для себя или не хочет — причём не на уровне слов, а на уровне более глубокой личностной потребности.

— Но не получается ли так, что взрослые люди усваивают лишь технологию, так сказать, составляют для себя алгоритм решения проблемы, но внутрь себя новые принципы восприятия не пропускают?..

Б: Никто не может исключить, что получится именно так. Мы пытаемся сделать так, чтобы какой-то личностный результат для человека произошёл в любом случае; вот почему максимально важно учиться этому не по печатным методичкам, а непосредственно у педагога. Только при контакте из рук в руки может произойти подлинный диалог. А там уже как повезёт — кто-то сух и техничен, потом вдруг раскрывается. А кто-то тёплый и мягкий, идёт навстречу, но теряется по пути.

— Обучение детей этим техникам наверняка принципиально отличается от обучения взрослых?

Н: Для детей мы не распаковываем методику. С ними мы проводим время в этом обсуждении, и они уходят с ощущением: что-то со мной классное сегодня произошло! И они дальше работают сами с собой.

У кого-то появляется понимание, что он может самому себе задать вопрос, у кого-то — желание продлить разговор с тем человеком, с которым он присутствовал при игровой ситуации. Но они не понимают и не должны понимать, как это работает. А взрослые расстраиваются, потому что говорят: надо же! Как просто и как классно.

— **Получается, вы скорее модераторы процесса познания?**

Н: Да. Причём неважно, как это познание идёт — как последовательность игры или тренинга, как рисование, как заданный алгоритм разговора. Самое трудное в этом — наличие искреннего твоего интереса к тому, что говорит собеседник. «Как же я задам такой вопрос, но я же не знаю, что он ответит?». Конечно, и это самое прекрасное! Потому что у вас дальше есть возможность выяснить, почему так произошло и случайно ли, что про один и тот же спектакль у двух людей разные высказывания. А вдруг между этими темами внутри самого спектакля есть какая-то сцепка?

— **Как в такой системе может существовать театральная, да и вообще художественная критика?**

Н: Это очень сложный вопрос. В нашей жизни есть немного театральных критиков, которых мы очень любим, поэтому я не могу сказать жёстко и однозначно, что ну и пусть они все обесценятся, туда им и дорога. С другой стороны, я по большей части думаю именно так.

Да, среди театроведов есть вдумчивые зрители, которые обладают колоссальным бэкграундом и желанием увидеть, услышать, отзеркалить, помочь. И в этом смысле они такие же модераторы мыслительного процесса. Но когда я слушаю большинство своих коллег, то мне хочется их убить — тех из них, кто пытается когда-то придуманную модель прицепить ко всему.

— **Спросил про критиков, потому что они, наверное, самые самоуверенные из взрослых людей.**

Такое количество барьеров: ощущение собственного вкуса, ощущение собственного интеллекта, всего остального. Как вообще взламываются такие блоки?

Н: Видите ли, они либо взламываются, либо растворяются. Взламываются довольно просто, потому что если поставить перед собой задачу очень жёстко, то несложно за полчаса разговора доказать человеку, что он врёт самому себе. Но результат вряд ли будет такой, какой мы хотели получить, потому что в ответ всё равно рождается агрессия, что не решает никаких проблем. А для того чтобы они растворились, тот человек, который напротив, должен этого хотеть. С другой стороны, как говорил Мышляевский из «Белой гвардии»: «Достигается упражнением».

Есть хорошая история: в одной из московских школ, где мы преподаём, в классе был мальчик с диагностированным аутизмом. Так сказать, в целях социальной безопасности мама приучила его в ответ на учительские вопросы либо повторять последнюю фразу, которую произнёс учитель, либо говорить: «Простите, я задумался». Все знали, что он аутист и сразу же от него отставали. Ребёнок физически присутствовал в классе, никому не мешал, но понятно, что его на занятиях как бы и не было: весь уходил в игры на планшете. Седьмой класс проходит, восьмой, девятый. Начало десятого класса. Мы начинаем тему, которую и со взрослыми-то не сразу разберёшь — театр романтизма. Я интересуюсь, откуда это, где корни явления. Дети соображают вяло, полна пауза. В этот момент этот мальчик поднимает глаза от планшета — и ровно от античной трагедии и по всем эпохам разматывает эту нить. «Слушай, ты откуда всё это собрал?» «Так я же всё время был в классе». Так что тут никогда не знаешь.

— **Какая стадия, какая деятельность даётесь сложнее всего взрослым людям? Движение в какой-то**

момент не приостанавливается?

Н: Контингент разный. Есть вещи, которые понятны абсолютно, например актёрам, потому что они театральные люди — а это другой стиль мышления, другое мировоззрение, другое устройство психологии отношений. Как ни странно, вообще всё очень сложно даётся педагогам. Им услышать очень сложно и очень сложно справиться со страхом: а что со всем этим я буду делать? Трагедия.

— **Расскажите про детский музей? Читаю на сайте: «Экспонаты создаются самими маленькими посетителями на основе их личностных впечатлений от встречи с историческими событиями и артефактами, произведениями художественной и бытовой культуры». Интригует!**

Н: Представьте себе обычный музей. Есть вещь, она сама по себе. Есть ребёнок, он сам по себе. Их зачем-то заставляют смотреть друг на друга, и в этот момент не происходит ничего, кроме взаимного удивления: мол, зачем это нас сюда привели? При этом каждый ребёнок очень любит залезть на чердак, найти какую-нибудь дрянь, которая лежит там неизвестно сколько, поднять дику пылицу. Если это одежда, то облачиться в неё и начать воображать, как в этой штуке кто-то ходил.

Музейный предмет существует для того, чтобы встретить нас с другой культурой. Но для того чтобы эта встреча произошла, нам нужно представить эту вещь живой и наше с ней живое взаимодействие. Когда она лежит отдельно от нас на витрине, это сделать очень трудно. Есть на свете мудрые музеи — правда, в России их немного — где хранятся подлинники, которые уникальны и которые трогать нельзя, и есть такие же вещи из той же эпохи, но меньшей ценности, доступные для прикосновений посетителя. Ребёнок сначала надевает на палец условное кольцо-печат, представляя себе, что идёт по огромному

залу, ему нужно выйти к министрам, чтобы они его послушали, и скрепить своей печатью указ... И когда потом он видит то кольцо, которое действительно принадлежало императору, в витрине, оно ему уже родное. Примерно так и действует детский музей.

— **А итогом занятий что становится?**

Н: Бывает по-разному. Есть занятия без подлинных вещей, с реконструкциями. Например, урок, который называется «Чур и пращур, или Игра в бирюльки», он про традиционную деревянную куклу. Мы играем с детьми в различные деревянные игрушки, они рассматривают богородскую игрушку, потом читаем отрывочки из сказок, а потом мы с ними рассуждаем, что же это такое. Обязательно кто-то говорит: «Куклу подарила мама». «А ей кто подарил?», — спрашивает другой. «А маме её мама!», — отвечают, и так далее. Они очень быстро сами себя раскручивают до идеи, что в куклах — душа кого-то из предков; потом мы выходим на понятие, что такое «чур меня», какое отношение это имеет к чурочке. А перед этим мы с ними играем в обрядовые игры, связанные с образом предка. И потом говорим: попробуйте сочинить такую игру, которая тоже учила бы нас тому, какими хотели бы нас видеть наши предки.

Б: Тут есть ещё один момент: что такого могут сделать дети? Вопрос подразумевает ценность результата. Это нормально для современного мира, мы мыслим такими категориями. Но ведь здесь, по сути, неважно, насколько профессионально это будет сделано. Важно, что они это деяние совершили осознанно и самостоятельно, с какой-то целью. Чаше всего ещё и для кого-то.

Сам процесс является тем результатом, которого мы хотим достичь.

Евгений МЕЛЬНИКОВ

Фото Виктора ОЛЕЙНИКА

Уже год учусь дистанционно

Примерно в 2009 году мы с коллегой посещали курсы повышения квалификации по образовательным технологиям. Там нам «забросили» идею о том, что в скором времени живые лекции в университете будут не важны, поскольку их можно спокойно записать на видео, которое студенты смогут смотреть дома. А реальные встречи будут нужны только для обсуждения самостоятельных работ, возникших вопросов. И вот некоторые образовательные институции перешли к подобной модели. В частности, в 2012 году был запущен проект массового образования от ведущих мировых университетов Coursera.

Википедия сообщает, что проект был основан профессорами информатики Стэнфордского университета, реализуется в сотрудничестве с ведущими университетами США, Англии, ряда европейских стран, России, Китая, Австралии, Сингапура и др. На платформе Coursera размещаются курсы по самым разным дисциплинам, начиная от естественно-научных (физика, социальные науки, искусственный интеллект, науки о земле и т.д.), заканчивая гуманитарными, среди которых я больше всего увлечена курсами по искусству и кино.

Пока что эта образовательная платформа совершенно бесплатна (правда, на некоторых курсах настоятельно требуется приобретать книги ведущих преподавателей), бизнес-составляющая проекта не раскрывается.

В отличие от многих других образовательных платформ, где выкладывают отдельные лекции на важные темы, Coursera предлагает полные курсы (еженедельные видеолекции, преимущественно на английском языке, но есть и на русском, испанском и др.; есть субтитры). Продолжительность — несколько недель, обязательна обратная связь: слушатели должны каждую неделю отвечать на вопросы тестов (quizzes) или писать эссе, выполнять практические задания, которые будут оцениваться не преподавателями, а «сокурсниками» (Peer Assessments), причём задания должны быть выполнены в пределах точных сроков, иначе не будут засчитаны.

Компьютерная система сдачи работ стимулирует соблюдение дедлайнов очень сильно, ведь она не живой преподаватель, которому можно рассказать кучу историй о том, как у тебя отключили электричество, собака съела все твои записи или ты приболел.

По окончании все твои мучения вознаграждаются сертификатом об окончании курса — можно даже получить сертификат «с отличием». Но сертификаты бывают разного типа: лицензионные (приравненные к тому, что ты реально обучался в том или ином мировом университете)

и нелицензионные; солидные — выданные на твоё настоящее имя «по паспорту» и — вроде «ободряющего похлопывания по спине» (т.е. выданные на какой угодно псевдоним, под которым ты зарегистрирован на курсе). Похоже, выдачу достоверных сертификатов постепенно переводят на платную основу.

Помимо просмотра видеолекций и выполнения заданий важным пунктом является общение на форуме со своими сокурсниками. Без участия в жизни форума порой даже нельзя претендовать на получение сертификата. Хотя лично для меня разговоры на форуме — не самая увлекательная часть: там обсуждают всё, вплоть до технических проблем («не отрывается видеолекция»). Когда на курсе более 300 человек, и все стремятся высказаться на форуме, то одно только чтение высказываний утомляет, тем более что никакого продуктивного диалога не складывается.

На сегодняшний день Coursera — не единственная платформа для массового онлайн-образования. Существует множество альтернатив, например британская платформа FutureLearn, которая отличается от Coursera как минимум тем, что сотрудничает не только с университетами, но и с британскими музеями, теле- и киностудиями, а также с British council. Здесь можно встретить и более практико-ориентированные курсы: как научиться писать песни, как начать писать художественную книгу. Можно изучать разные языки — например голландский. Википедия предлагает и другие образовательные

платформы — EdX, MIT OpenCourseWare, Udacity и др. Каждая имеет свои отличия: где-то представлены не полные курсы, а только одна выдающаяся лекция; каждая платформа сотрудничает со своими университетами-партнёрами; где-то обязательно выполнение заданий или невозможно получение сертификата и т.д.

Остановлюсь подробнее на собственном опыте приобщения к массовому онлайн-образованию. Как уже сказано, я сосредоточилась на гуманитарных курсах по искусству, театру и кино, поэтому в прошлом году изучила «Историю скандинавского кино и телевидения» от Копенгагенского университета, а в этом — «Театр и глобализация» Мюнхенского университета Людвиг-Максимилиана. Также познакомилась с несколькими гуманитарными курсами российских вузов. Надо сказать, что необходимость соблюдения дедлайнов и еженедельного просмотра видеолекции заставляет ограничивать себя в количестве одновременно изучаемых курсов, так как реально сложно успеть всё сделать, учитывая текущую занятость.

В первую очередь меня привлекла драматургия самих видеолекций. Когда я изучала скандинавское кино, то преподаватели рассказывали о кино не в типичной университетской аудитории, а в каком-то сарае, где на заднем фоне висело множество веревок. Меня заинтриговала такая аура «лекционного» пространства. Когда рассказывали о творчестве Ларса фон ТРИЕРА, то посещали его киностудию

«Zentropa», заходили в съёмочные павильоны и монтажные студии. Курс о театре по определению должен быть силён в сценографии, и он действительно богат на пространственные перемещения: лекции ведутся то из зала немецких театров, то из культурного центра BMW. Профессор постоянно берёт интервью у кураторов европейских музеев, перемещается в Бомбей и на Филиппины, говорит по скайпу с ведущим историком театра из Китая и т.д. То есть разыгрывается ситуация по-настоящему глобализованного мира.

Некоторые курсы, конечно, более традиционны: часто лектор будет просто стоять рядом с презентацией, и вся режиссура будет сводиться к жестуляции и приближению-отдалению от текста презентации. В таких случаях преподаватель может рассказывать очень увлекательные факты, но всё-таки зрелищность лекционного действия в этом случае серьёзно проигрывает креативному подходу.

Нечего и говорить о том, что изучение этих курсов позволяет мне знакомиться с крайне современной научной информацией, узнавать о ведущих трендах в гуманитарных науках — например, переосмысление роли медиа в человеческой истории, или возникновение новых научных областей вроде «digital humanities» («цифровые гуманитарные науки»), которые предполагают подготовку специалистов, способных превращать в понятные инфографические схемы необъятную словесную информацию.

Во-вторых, мне интересно участвовать в выполнении заданий по курсам. Конечно, тесты в большинстве своём либо слишком лёгкие, либо бесполезные, а вот написание эссе всегда интересно. Особенно, когда ты уже не студент, и мало что стимулирует тебя письменно формулировать свои мысли по какой-то проблеме в свободной форме. И уж точно мало где ещё можно получить отклики на эти эссе от коллег со всего света (слушатели курсов в обязательном порядке оценивают работы друг друга, комментируют их).

Помимо этого некоторые задания приносят практическую пользу. Так, например, я познакомилась с несколькими полезными сайтами, где можно найти практические все газетные и журнальные статьи о театральном искусстве, которые выходили в Австралии, США и Европе со второй половины XIX века. Скажем, там можно прочитать, как британские критики в 1908 году отнеслись к решению Мориса МЕТЕРЛИНКА поставить «Синюю птицу» именно в Московском художественном театре, а не в европейском...

Конечно, перспективы развития подобных массовых образовательных программ ставят много экзистенциальных вопросов. Как скоро возможность дистанционно получить образование в ведущих университетах мира заместит образовательные программы локальных университетов? Или как будет устроен мир, в котором можно и получать образование, и работать, не выходя их дома? Но это так... размышления. А пока пойду писать эссе про историю красноярского театра.

Александра СИТНИКОВА

The screenshot shows the Coursera website interface. At the top, there are navigation links for 'COURSES', 'ABOUT', and 'LOGIN'. Below this is a banner for 'The World's Best Courses. Online, for Free.' with a 'Sign Up Now' button. Underneath the banner, it says '116 COURSES' and 'View All 116 Courses'. There are four course cards displayed:

- Fantasy and Science Fiction: The Human Mind, Our Modern World** by University of Michigan. Started 8 days ago (10 weeks long).
- Algorithms, Part I** by Princeton University. Starts in 12 days (8 weeks long).
- Internet History, Technology, and Security** by University of Michigan. Started 8 days ago (7 weeks long).
- Quantum Mechanics and Quantum Computation** by University of California, Berkeley. Started 14 days ago (8 weeks long).